

На правах рукописи

ОРЛОВА Надежда Михайловна

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН

10.02.19 – Теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Саратов - 2010

Работа выполнена на кафедре теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Любовь Викторовна Балашова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Геннадий Геннадьевич Слышкин

доктор филологических наук, профессор
Сергей Петрович Хижняк

доктор филологических наук, профессор
Алексей Дмитриевич Шмелев

Ведущая организация: Кемеровский государственный университет

Защита состоится « 18 » ноября 2010 г. в 14-00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83) в Институте филологии и журналистики (11 корпус).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан « » 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблемы прецедентности, изначально связанные с теорией интертекста, в настоящее время находятся на пересечении лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, поскольку прецедентность – это явление, значимое в культурном и когнитивном отношении и имеющее «сверхличностный характер» (Ю.Караулов), а этнокультурная специфика мировосприятия находит отражение в языковом сознании индивида и лингвокультурного сообщества в целом. Разноуровневые и разноплановые прецедентные феномены подвергались изучению с позиции теории лингвострановедения (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров), языковой личности (Ю.Н.Караулов), особенно активно развивается исследование прецедентности в парадигме сопоставления языковых картин мира носителей разных языков. Проблему прецедентности текстов культуры разрабатывают Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Г.Г.Слышкин, И.В. Захаренко и др., а также – в координатах «карнавализации» русского языка в переломную эпоху современного социума – Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров. До настоящего времени многие понятия когнитологии в целом и теории прецедентности в частности остаются дискуссионными, что дает возможность для выработки новых подходов, уточнения терминологического аппарата, использования новых методик анализа текста. В современной научной парадигме не подвергается сомнению факт существования прецедентных текстов разной степени значимости. Прецедентно «сильные» (В.Н.Топоров) тексты, т.е. произведения, обладающие культурной значимостью для многих народов и носителей многих языков, могут быть отобраны для специального изучения и включены в литературный канон (Harold Bloom *The Western Canon*, J.A. Jauregui *Europa, Tema y variciones*). При всем многообразии подходов и принципов, на которых предлагается строить канон, Библия имеет в нем особый статус в качестве одного из «первотекстов». С учетом того, что современной социокультурной ситуации свойственны тенденции к обнаружению общего пространства и единых начал, сохранению европейски значимого культурного достояния, библейский текст имеет прецедентную значимость в масштабах мировой цивилизации. Уникальный по длительности своего существования и времени воздействия на все сферы культуры текст Библии не теряет своего прецедентного значения, живет в сознании миллионов носителей европейской и мировой культуры и бесконечно воспроизводится во вновь продуцируемых речевых произведениях на разных языках, что, в свою очередь, ведет к его постоянному динамическому варьированию.

Установление внутренней динамики и исторических судеб прецедентных феноменов библейского истока позволяет рассмотреть значительный пласт языковых явлений под новым углом зрения в парадигме библейской прецедентности, глубже осмыслить закономерности эволюции внутренней формы библейских концептов, их роль в формировании

литературного языка и в конечном итоге – специфику лингвопространства, ориентированного на библейскую концептосферу.

Все это обусловило **актуальность** настоящего исследования.

Объект исследования – Библейский текст и его прецедентная представленность в текстах, продуцированных в русской и европейской лингвокультурах. **Предмет исследования** – типологические свойства библейского текста как прецедентного феномена с когнитивной и лингвокультурологической точки зрения.

Цель работы – выявить механизмы освоения Библии как прецедентного текста, принципы концептуализации и функционирования прецедентных структур разного типа в языке и тексте в корпусе художественной литературы, а также публицистики и нефикциональных жанров.

Для достижения этой цели необходимо было решить ряд **задач**:

1. Проанализировать различные подходы к изучению прецедентных феноменов библейского истока, выработать принципы и методику анализа библейской прецедентности.
2. Разработать идеографическую схему для предметно-тематической классификации лексики Библии как основы концептуальной картины мира и дать наполнение этой схемы по тематическим группам.
3. Дать мультиаспектную классификацию компонентов тематических групп, представленных в прецедентном поле библейского текста, и выделить типы библейских сюжетов, служащих генераторами прецедентности.
4. Проанализировать формирование и смысловую структуру концептов 'свет' и 'тьма' как изначальных ипостасей и концептов исходного общечеловеческого статуса, в формировании которых текст Библии сыграл огромную роль.
5. Выявить механизмы и способы реализации прецедентного потенциала библейского текста, его смыслового варьирования и возможностей порождения новых смыслов.

Научная новизна проведенного исследования заключается как в самом материале, так и в создании методики анализа библейской прецедентности, опирающейся на достижения когнитивной лингвистики. При рассмотрении библейских текстов мы стремились с максимальной полнотой проследить путь от познания предметной сферы, отраженной в Библии (от интенционала), к воплощению этой реальности в слове и тексте, имея в виду известный постулат когнитивной лингвистики о том, что «языковая компетенция носителей языка взаимодействует с другими видами знаний и умений» [Филлмор 1988: 90]. В концепции анализа библейской прецедентности нашли реализацию такие принципы современной

лингвистики, как антропоцентризм, экспланаторность, понимаемая как закономерный, планомерный переход научного исследования от единиц элементарных и дискретных к единицам более объемным (принцип восходящей степени обобщения), и экспансионизм, ориентированный на междисциплинарный характер исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Библию как важнейший компонент европейского и мирового литературного канона и как прецедентный феномен отличает культурный универсализм, что находит выражение на языковом уровне, в текстообразовании, интертекстуальных параллелях, общности эксплицируемых концептов, так или иначе связанных с Библией. Библейская прецедентность – это динамический конструкт, реализующийся в бесконечном множестве вариантов, пронизывающий различные дискурсы, оказывающий влияние на всю мировую культуру. При наложении когнитивной матрицы библейского текста на тексты, продуцированные в художественном дискурсе разных авторов, у Библейского текста как прецедентного феномена выявляются отчетливые признаки кросскультурной универсалии.

2. Жизненная сфера существования человека библейской эпохи, обозначенная нами как мир Библии, имела свою структуру и совокупность составляющих ее ингредиентов, свои территориальные, природные, социальные, культурно-исторические и этнографические начала. Всё, что окружало человека, определённым образом влияло на его духовный облик. Это, в свою очередь, оказывало влияние на создаваемый им труд – Священное Писание, или Библию, в тексте которой номинанты реалий предметного мира участвовали в формировании прецедентных ситуаций; на этой основе происходила их концептуализация. Наиболее существенные из этих начал представлены в виде классификационно-тематических разделов как объединений слов, основывающихся не «на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений» (Ф.П.Филин).

3. Способы концептуализации компонентов тематических групп, вовлеченных в прецедентное поле библейского текста, служащих именами концептов и участвующих в формировании прецедентных ситуаций, могут быть подвергнуты мультиаспектной типологии. Номинантам натурфактов и номинантам артефактов (ментифактов, социофактов и др.) свойственна амбивалентность их онтологического статуса, поскольку наименования предметного и природного мира неизбежно приобретают «духовные» смысловые кванты, сакрализуются, пополняют общеязыковую концептосферу. В типологии концептов библейского истока выделяются две группы: а) общеязыковые концепты, в формировании которых библейский текст сыграл значительную роль; б) собственно библейские концепты, смысловая структура которых сформировалась и продолжает развиваться на основе прецедентных ситуаций Библии, которые обогатили когнитивное пространство носителей многих языков.

Со структурно-семантической точки зрения номинанты концептов библейского истока могут быть однокомпонентными (чаще всего это собственные имена) и многокомпонентными (фразеологизмы). Третий вид номинантов – предикативные единицы (высказывания, цитаты, паремии).

4. Прецедентные ситуации генерируются двумя основными типами библейских сюжетов. Ситуации, где воплощаются мотивы, связанные с семейными или любовными отношениями, часто становятся основой для прозаических произведений, выполняют текстообразующую и сюжетообразующую функцию; особенно продуктивны они в порождении смыслов любовной лирики, поскольку их матрицы содержат концепты-репрезентанты ‘семья’, ‘любовь’, ‘женственность’, ‘ревность’, ‘измена’ и т.п. Важное условие для реализации прецедентного потенциала ситуаций этого типа – наличие в библейском нарративе женских образов. Второй тип ситуаций – тексты, повествующие о знаковых событиях Ветхозаветной истории, о проявлении Божественного промысла, о борьбе человека со страстями, о его «разговорах с Богом». Прецедентный потенциал этих ситуаций находит смысловые рефлексии в лирике философского характера, а номинанты их ключевых концептов прочно вошли в лексико-фразеологическую систему и в пословичный фонд.

5. Библейский прецедентный феномен представляет уникальное образование, способное к бесконечному динамическому варьированию, и может быть определен как *динамический конструктор*. Это связано в первую очередь со смысловой деформацией концептов Ветхозаветного истока при их дискурсивном перемещении, что подтверждается при сравнении когнитивных матриц Библии и художественных текстов, для которых текст Библии выступает как прецедентный. Используя методику наложения когнитивной сетки (матрицы) библейского текста на тексты художественной литературы, мы можем наблюдать неполное, частичное совпадение основных когнитивных линий, их искажения, привнесения.

При значительных искажениях и привнесениях в структуре когнитивной матрицы библейского текста по сравнению с текстами художественных произведений, написанных на разных языках, наблюдается как сохранение концептуальной связи с исходным (библейским) текстом, так и универсальный межъязыковой характер ключевых концептов и когнитивных линий.

6. Социопсихические образования ‘свет’ и ‘тьма’ относятся к числу приоритетных концептов русского и других народов. Значимость этих концептов для религиозной картины мира в том, что они выступают в Библии как символы фундаментальных религиозных ипостасей. Формирование смысловой структуры этих ментальных образований в европейских языках происходило под мощным влиянием Библии.

Тексты русской литературы содержат немало фактов, свидетельствующих об аксиологической функции концептов ‘свет’ и ‘тьма’, что находит подтверждение не только в беллетристике, но и в литературе *non fiction*. Как проявление аксиологического релятивизма, свойственного

общественному сознанию различных эпох, может наблюдаться их «нейтрализация».

Теоретическая значимость исследования состоит в дальнейшем развитии методологии и категориального аппарата теории прецедентности. Впервые представлена мультиаспектная классификация компонентов тематических групп и способов их концептуализации, а также использована новая методика анализа библейской прецедентности, опирающаяся на достижения когнитивной лингвистики.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения ее результатов в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном анализе художественных текстов и лексико-семантической и фразеологической системы в целом, в теории и преподавании межязыковой коммуникации. Общая методика может быть использована при анализе других прецедентных текстов, в преподавании таких лингвистических дисциплин, как общее языкознание, современный русский язык, филологический анализ текста, стилистика, риторика, а также в лексикографической практике.

Материалы исследования были положены в основу учебного пособия, автором читались спецкурсы по филологическому анализу библейских текстов и проблемам прецедентности, осуществлялось руководство курсовыми и дипломными работами по данной тематике.

Специфика проведенного исследования в том, что в нем предпринята попытка отразить библейский текст с точки зрения его прецедентной значимости – а мы исходим из постулата, что эта значимость огромна во многих языках и национальных литературах – и с позиции идей, ориентированных на достижения когнитивной лингвистики в синтезе лингвокультурологического и когнитивного направлений. **Материалом** исследования послужили выборки из художественной литературы (многочисленные тексты более чем 200 авторов), общеязыковых словарей, словарей языка писателей, публицистики; привлекался также Национальный корпус русского языка. Наибольшее количество примеров было привлечено по принципу отнесенности концептов к той или иной книге Ветхого Завета, а в рамках книг – к определенным прецедентным ситуациям: «Гибель Содома и Гоморры», «Авраам и Исаак», «Сарра и Агарь» (Бытие), «Неопалимая Купина» (Исход), «Руфь» (Книга Руфь), «Иона пророк» (Пророческие книги). Эти прецедентные ситуации, субситуации в их составе («Жена Лота» в рамках ситуации «Гибель Содома») и ключевые концепты рассматриваются наиболее подробно, особое внимание уделяется их роли в текстообразовании и т.д. Для иллюстрации того, как реализуется механизм концептуализации номинантов предметного мира, отраженного в Библии, привлекались многочисленные примеры обращения к другим прецедентным ситуациям ветхозаветного истока. При рассмотрении изначальных ипостасей, обозначенных нами как концепты исходного общечеловеческого статуса 'свет' и 'тьма', кроме того, использовались тексты, относящиеся к жанру non-fiction.

Апробация результатов исследования представлены в виде докладов и обсуждены на международных конгрессах, симпозиумах и конференциях: «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2004, 2007, 2010), «Предложение и слово» (Саратов, 2002, 2006, 2008), «Власть, общество, личность в речевом сознании взрослых и детей современной России» (Саратов, 2002), «Европейская русистика и современность» (под эгидой МАПРЯЛ, Познань, Польша, 2005), III Международные Бодуэновские чтения «Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания» (Казань, 2006), «Актуальные проблемы теории и практики обучения иностранных учащихся в вузах России» (Тула, 2007), «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов» (Волгоград, 2007), «Исследование художественного образа в парадигме восприятия носителями русской и монгольской культуры» (Саратов – Улан-Батор, 2007), «Язык – сознание – культура – социум» (Саратов, 2008), «Россия и Монголия: взаимосвязь языков и культуры» (Саратов – Улан-Батор, 2008), Международный конгресс по когнитивной лингвистике, Тамбов, 2008), «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (Ульяновск, 2008), «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, 2009), «Славянский мир: общность и многообразие» (Саратов, 2009); Всероссийских и межрегиональных конференциях «Слово русской культуры в мире» (Великий Новгород, 2007), «Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: итоги и перспективы» (Тамбов, 2009); Педагогического института СГУ разных лет.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и приложения (тематический словарь «Мир Библии»).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** формулируется предмет диссертации, определяется ее цель и соответствующие этой цели задачи исследования, обосновывается актуальность и научная новизна работы, устанавливается ее теоретическая и практическая значимость и формулируются выносимые на защиту положения.

В **главе 1** дается обзор основных направлений изучения прецедентности, устанавливаются исходные единицы анализа, статус прецедентного феномена Библии и методика исследования библейской прецедентности.

В качестве исходных и основных единиц анализа в исследовании принят прецедентный феномен (ПФ) - явление, значимое в культурном и когнитивном отношении и имеющее «сверхличностный характер» (Ю.Караулов), - и формируемый под его воздействием концепт. Методы, при помощи которых подвергается анализу библейская прецедентность, находящая отражение в корпусе художественных текстов, выработаны в парадигме когнитивной лингвистики. При когнитивном подходе базисной является концепция знаний, предполагающая осуществление концептуализации и категоризации внеязыковой действительности в процессе познавательной деятельности субъекта. Семантическое пространство развивается одновременно с процессом познания человеком окружающего мира, поэтому безгранично и беспредельно развитие как концептосферы, так и семантического пространства. Предмет когнитивной лингвистики обоснован когнитивной (эпистемологической) функцией языка, о которой идет речь в работах И.А.Бодуэна де Куртенэ: «...Из языкового мышления можно выявить целое своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)» [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Иными словами, еще Бодуэн не только указал на роль языка в «свертывании» человеческий знаний о мире, но и обозначил направления исследования картины мира через язык. Во всех своих формах язык особым образом кодифицирует знания об окружающей действительности, хранит и передает их, а слово является способом перекодирования единиц мышления – концептов, являющихся по структуре сложными, многослойными образованиями (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.В. Колесов, М.В. Пименова, А.Д. Шмелев, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев, С.П. Хижняк и др.). В современной лингвистике сложилось несколько подходов к изучению концепта – философский, психолингвистический, лингвокультурный и др. В связи с необычайно сложной природой языкового знака, включающего в себя информацию как о внешних факторах своего развития, так и об имманентных свойствах, дающих импульс к этому развитию, в ряде случаев возможна нечеткость, размытость границ между подходами. В нашем исследовании используется рассмотрение концепта и формирующей его прецедентной

ситуации в лингвокультурном формате, который «определяет концепт как базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего» [Попова, Стернин 2007].

Понятийный уровень концепта находит отражение в энциклопедическом описании и научном познании. Концептуальная картина мира зиждется на этом предметном мире и его ценностях. Дальнейшее формирование концептов происходит в тексте Библии и представляет собой системность высшего порядка: происходит колоссальное расширение концептосферы за счет понятий религиозного толка и их вхождения в языковую и художественную картину мира.

Анализ текста художественного произведения в рамках когнитивной парадигмы, с точки зрения текста как когнитивно-концептуальной системы, языковой и художественной картины мира писателя представлен в работах многих исследователей [Левченко 2000, Балашова Л. 2000, Истомина 2002, Тарасова 2003, Сороченко 2003, Чистякова 2004, Габдулина 2004, Шевченко 2006, Богатова 2006, Азаренко 2007, Сивкова 2007, Луценко 2007, Гильманова 2007, Азаренко 2007, Бычкова 2007, Савенкова 2007 и др.]. В целом когнитивный подход в исследованиях художественной литературы нацелен на изучение широких и многообразных связей между тем, что выражено и в языке, и тем, что существует в сознании писателя и сознании интерпретатора.

Проблемы прецедентности тесно переплетены с теорией интертекста, изначально связанной с литературоведческими исследованиями. Классический интертекст возникает в постмодернизме, но интертекстуальные механизмы можно обнаружить везде, где есть следы «чужого» слова (catchword). Термин, введенный Юлией Кристевой в 1967 году, употреблялся при анализе постмодернистских текстов, использовался при характеристике романного полифонизма, диалога между текстами; такое понимание интертекстуальности представлено в работах Р.Барта. В современной науке - как в литературоведении, так и в лингвистике - интертекстуальность понимается широко, описывается в разных терминах (прецедентность, межтекстовая коммуникация, сверхтекстовые связи, «чужое слово», текстовые реминисценции). Теория подтекста Б.Гаспарова также в значительной степени связана с теорией интертекстуальности, поскольку «мотивный анализ» представляет собой изучение интертекстуальных переключек, рожденных языковой тканью художественного текста.

Термин «прецедентность», поддерживающий понятие интертекстуальности, не является, однако, его синонимом. Прежде всего, интертекстуальность – явление в широком смысле филологическое, подвергавшееся изучению в европейской науке. Прецедентность – термин, принятый в российской лингвокультурологии, возникший в преподавании русского языка как иностранного, связанный с теориями лингвострановедения [Верещагин, Костомаров 1976] и языковой личности [Караулов 1986 и др.], активно употребляющийся при сопоставлении

языковых картин мира. В связи с проведением ассоциативных экспериментов речевая прецедентность исследовалась в психолингвистике и теории коммуникации [Супрун 1995 Семенец 1999; также Горелов, Седов 1997]. Проблему прецедентности текстов культуры активно разрабатывают Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Г.Г.Слышкин, И.В. Захаренко [Красных, Гудков 1997; Красных 2002, 2003; Гудков 1999, Захаренко 1997, 1999; Слышкин 1999, 2000, 2004], а также – в координатах «карнавализации» русского языка в переломную эпоху современного социума – Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров [Костомаров 1994, 1996, Бурвикова, Костомаров 2006]

В ряде исследований не проводится принципиальной границы между «интертекстуальностью» и «прецедентностью», особенно если речь идет о художественном тексте и интертекстуальность понимается как «перечитывание», реинтерпретация претекста» [Ранчин 2001]; художественный текст способен бесконечно часто обращаться к культурному фонду и переструктурирует его феномены, соотнося с новым культурным контекстом. В направлении, исследующем прецедентность (интертекстуальность) в художественной и публицистической речи, активно работает ряд современных лингвистов и литературоведов [Головачева 1988; Смоличева 1996; Кремнева 1999; Семочко 2001; Черногрудова 2003; Ворожцова, Зайцева 2006; Кушнерук 2006; Романьоли 2006; Анина 2000; Проскурина 2004; Лисоченко 2007 и др.].

Прецедентность может рассматриваться как специфическая разновидность интертекстуальности [Спиридовский 2006]; есть основания считать, что, напротив, прецедентность шире, чем интертекстуальность. В сущности, разнообразные воззрения на интертекст и прецедентность не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими и уточняющими теорию текста. Они также рассматривают в разных аспектах такой сложный феномен, как прецедентность, явление, значимое в культурном и когнитивном отношении не только в масштабах языковой личности, но и носителей языка (или множества языков) в целом. В настоящем исследовании используется преимущественно термины «прецедентность», «прецедентный феномен», «прецедентный текст». В отдельных случаях, если речь идет об отдельных интертекстуальных включениях и переключках, употребляется термин «интертекстуальность» как понятие более узкое и не подчеркивающее когнитивный характер межтекстового взаимодействия.

Библейский текст изначально существует в религиозном дискурсе; при продуцировании новых текстов на его основе связь с религиозным дискурсом может значительно ослабевать или оставаться достаточно прочной. Следует признать тот факт, что отличие религиозного от разного типа светских дискурсов (в частности, от художественного) чрезвычайно глубоко [Карасик 1999 Бобырева 2007]. Учитывая это отличие, можно предположить смысловую деформацию ситуаций и концептов Ветхозаветного истока при их дискурсивном перемещении.

Для подтверждения этой гипотезы предлагается особая методика анализа материала. Мы экстраполировали достаточно широко

употребляющийся в гуманитарных науках, особенно в психологии и философии (эпистемологии) термин «когнитивная сетка» (матрица) на библейские тексты Ветхого Завета как тексты прецедентного характера. Когнитивная (концептуальная) матрица понимается как система смыслов и концептуальных признаков, отражение сюжетных линий и ключевых концептов (когнитивных линий) текста Библии в сознании носителей языка и воспроизведение их в текстах художественной литературы. Используя методику наложения когнитивной сетки (матрицы) библейского текста на тексты художественной литературы, мы можем наблюдать неполное, частичное совпадение основных когнитивных линий, их искажения, привнесения.

С указанной особенностью тесно связано и такое качество прецедентности библейского текста, как ее способность к редукции. Библейский текст воспроизводится как миф, бытующий в культурной и когнитивной памяти, в сознании миллионов носителей языка; естественно, что его прецедентность может ослабевать, «сворачиваться» до отдельного концепта. В когнитивной картине мира огромного большинства говорящих на том или ином языке может закрепиться одна когнитивная линия библейской прецедентной ситуации, один-два ключевых концепта – причем с учетом упомянутой выше разницы дискурсов, в которых функционирует текст Ветхого Завета и художественный текст, сдвигов в смысловой структуре концептов библейского истока и т.д. Зачастую прозаический или поэтический текст – в соответствии с художественной задачей автора, в связи с нетвердым знанием библейского текста или непониманием религиозного дискурса, по причине возникновения новых смыслов у слова-имени ключевого концепта в общеязыковом употреблении (*содом* в восточнославянских языках «шум, беспорядок, суматоха») и по ряду других причин – демонстрирует существенное искажение смысла библейского сюжета и понимания отдельных концептов. Об этом свидетельствует, например, смысловая эволюция ключевого концепта 'Неопалимая Купина', относящегося к соответствующей прецедентной ситуации: <...> **Неопалимая вы наша купина, товарищ Иванышина. Настоящая советская неопалимая купина!** (Борис Васильев). Сходная картина наблюдается в украинском языке, однако современные украинские тексты, в особенности публицистические, выявляют одно существенное отличие: Неопалимая Купина символизирует «неистребимость» (незнищенність) и тем самым становится «поэтическим отражением судьбы Украины и украинского народа». Подобного рода «искажения» библейских концептов, привнесения, косвенное или инвертированное воспроизведение библейских прецедентных ситуаций могут как зависеть от лингвокультурных причин в целом, так и выявляться на уровне авторской художественной задачи или читательской компетенции.

Подвергая анализу феномен библейской прецедентности, необходимо определить его характер и специфику в кругу других прецедентных явлений. Несомненно, наиболее ярким и существенным его отличием является

всеохватность и универсализм, который позволяет охарактеризовать библейскую прецедентность как кросскультурную универсалию. Эта универсальность зиждется на бесчисленных обращениях к библейским ситуациям; на типологически сходных чертах и концептах, в которых находит отражение текст Библии в художественном речи; на сходстве аксиологического компонента этих ситуаций.

Универсальный характер библейского текста может быть охарактеризован с точки зрения вхождения его в европейский и мировой литературный канон: библейские прецедентные феномены включаются в канон всеми учеными, в том числе наиболее известными, например Х.Блумом (Harold Bloom. *The Western Canon*), Х.А.Хауреги (J.A. Jauregui. *Europa, Tema u variciones*), см. также [Бемиг 2007].

В нашем исследовании выявлены отчетливые признаки кросскультурной универсалии у библейского текста как прецедентного феномена. Несмотря на значительные искажения и привнесения в структуре когнитивной матрицы библейского текста по сравнению с текстами художественных произведений, написанных в разное время на разных языках, наблюдается как сохранение концептуальной связи с исходным (библейским) текстом, так и универсальный межъязыковой характер ключевых концептов и когнитивных линий. Так, *содом* во всех языках – символ греха и разврата, что зафиксировано в дефинициях слова-номинанта концепта; ключевой концепт прецедентной ситуации «Жертвоприношение Авраама» – ‘жертва’ (Лесков, Бродский, Лефевр, Липкин и др.); одна из наиболее часто воспроизводимых в художественных текстах когнитивных линий Книги пророка Ионы – ‘чрево кита’ (ср. у Дж. Оруэлла: *Inside The Whale* – причем как в русских, так и в английских текстах отмечаются сходные пояснения относительно того, что *кит* на самом деле *китом* не является). При обращении носителей разных языков к Книге Руфь как к прецедентному тексту часто воспроизводится линия «Руфь, собирающая колосья» (Тирсо де Молина, Андерсен, Кристина Джорджина Россетти, Р.М.Рильке, В.Гюго, Конст. Леонтьев, Д.Х.Лоуренс, Эд.Прониловер и т.д.). При этом характеристика Руфи как *скромной*, *кроткой* имеют с библейским претекстом опосредованную ассоциативную связь (*Руфь, собирающая колосья – трудолюбивая – скромная*), однако концепты, эксплицирующие соответствующую прецедентную ситуацию находят вербализацию в художественной картине мира разных авторов, что подтверждает универсализм библейской прецедентности. Во всех европейских языках Руфь может быть охарактеризована (и в ряде текстов характеризуется) как *скромная* (*humble*) и *кроткая* (Д.Х.Лоуренс: *humble Ruth*, Н.Лесков: *кроткая Руфь*, И. Бунин: *кроткая праматерь Давида Руфь*); характеристика Руфи как женщины, которой свойственны *rokora*, *cichość* в польском языке).

Культурный универсализм библейской прецедентности способствует адекватному переводу прозы и поэзии, достаточно близкой передаче образов, метафор, переплетений смыслов. Во французском переводе текста Арсения Тарковского «И я ниоткуда...» (Henri Abril) находят экспликацию ключевые

концепты 'жертва' и 'отец/сын', в равной степени значимые и для языка оригинала, и для соответствующей прецедентной ситуации. У Александра Поупа (*The Dying Christian to his Soul*) экспликация концептосферы «воскресение, бессмертие» происходит путем вербализации прецедентного высказывания, восходящего к Книге пророка Осии (*O Grave! where is thy victory? O Death! where is thy sting?*) и характеризующегося теми же смысловыми квантами в русской концептуальной картине мира. *Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?* Ос. 13.14).

Смысловая эволюция концептов библейского истока в разных языках может иметь отличия. Так, *the massacre/slaughter of the innocent – избивение младенцев* – в английском языке имеет трагическую окраску, в русском – ироническую; ср. также русское *манна небесная* и чешское *nebeská mana*, различающиеся как по семантическим оттенкам, так и по активности употребления, однако степень прецедентности библейского текста необычайно высока во всей мировой культуре. Прецедентные импульсы Библии могут иметь ощутимое влияние не только в аутентичном тексте, обращенном к ней, но и сохраняться при прохождении через ряд вновь продуцированных текстов, обретая при этом новое смысловое наполнение. Так, в результате обращения Эрнеста Доусона (Ernest Christopher Dowson) к тексту 12 Псалма в стихотворении «*Non sum quails eram bonae sub regno Synagae...*», или «Синага/Цинара» рождается новое прецедентное высказывание, позднее давшее название роману Маргарет Митчелл, концептуализировавшееся, и в свою очередь обретшее новую прецедентность как в английском, так и в русском языках (*gone with the wind/унесенные ветром*).

Текст Ветхого Завета дошел до нас не только в оригинале, но и в очень ранних переводах. В целом эти переводы тоже подтверждают точность того древнееврейского текста, которым мы пользуемся сегодня.

В истории создания и бытования библейских текстов, в титаническом труде переводчиков Библии, преодолевавших сопротивление языкового материала, отражен длительный процесс формирования библейской концептосферы. Исследователи языковых явлений, так или иначе связанных с библейским текстом, крайне редко обращаются к тексту первоисточника, хотя в ряде случаев может проводиться параллельный анализ древнееврейского и русского текста [Щедровицкий 2003]. Обычно мы имеем дело с современными национальными языками либо с языками, на которые была первоначально переведена Библия и которые используются для богослужения (латинский, старославянский). Однако несомненным является и тот факт, что на формирование языковой и концептуальной картины мира, многих литературных языков влияет не древнееврейский или древнегреческий текст, а именно переводы Библии. На основе переводов сформировалось также прецедентное пространство библейского текста.

В главе 2 «Тематическая классификация лексики Библии как основа концептуальной картины мира» рассмотрены принципы тематической классификации и предложена идеографическая

классификационная схема библейской лексики. На базе этой классификации составлен тематический словарь «Мир Библии», представленный в Приложении.

Мир Библии – жизненная сфера существования человека библейской эпохи – имел свою структуру и совокупность составляющих его ингредиентов, свои территориальные, природные, социальные, культурно-исторические, этнографические начала. Всё это определённым образом влияло на его духовный облик и в свою очередь оказывало влияние на создаваемый им труд – Священное Писание, или Библию. Наиболее существенные из этих начал можно представить в виде тематических групп как объединений слов, основывающихся не «на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений» [Филин 1982]. Классификация лексики по тематическим группам имеет длительную традицию, что, несомненно, говорит о её практической целесообразности. В Новое время проблема тематической классификации лексики не только не утратила своей значимости, но получила дальнейшее углубление за счёт многочисленных небезуспешных попыток осмысления особого статуса этого вида классификационной деятельности, за счёт разграничения принципов тематической классификации и лексико-семантической, ассоциативной, полевой, других видов лингвистической таксономии, за счёт реализации скорректированной методики классификационно-тематического описания различных пластов лексики разных языков, попыток связать классифицирующую деятельность с потребностями ономазиологии, аксиологии и когнитивной лингвистики. Тем не менее, при попытках классификации группы слов лингвисты говорят о семантических полях, о лексико-семантических группах, тематических группах, синонимических рядах, ономазиологических группах, кластерах, причем авторы исследований зачастую произвольно оперируют указанными терминами, называя тематический ряд семантическим полем и т.п.

Используя для классификации библейской лексики термин «тематические группы», мы исходим из того, что выделение тематической (лексико-тематической) группы основывается на «системности окружающей действительности», которая «проявляется в различных группировках слов, объединяемых в лексико-тематические группы на основании общности обозначаемых ими реалий по сходству, смежности, назначению, устройству, функции и т.д.» [Алефиренко 1998].

Предметная лексика, таким образом, может быть рассмотрена как система тематических групп. Денотативный характер предметной лексики определяет выбор тематической группы (ТГ) в качестве единицы классификации (расчленения всего множества), так как тематические группы классифицируют явления действительности, которые получают словарные обозначения. Тематические группы выделяются на уровне языковой системы как отдельное образование, граничащее с лексико-семантической группой (ЛСГ), но отличное от нее. Значения слов-членов ТГ определяются через

семантическую доминанту; тематические группы обеспечивают практическое описание лексики в рамках идеографической классификации.

Разумеется, тематические и лексико-семантические группы не разделены непроходимой стеной: детализация тематической группы ведет к лексико-семантической классификации, т.е. многие «тематические группы оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами» [Шмелев 1973].

Для составителя идеографического словаря весьма существенным является то, что тематические группы (предметно-тематические классы) могут пересекаться, взаимно проникая друг в друга, а само выделение этих групп в известной степени произвольно. В предложенной нами тематической классификации лексики Ветхого Завета перекрещивание наблюдается в тех случаях, когда какие-либо компоненты могут быть в равной степени отнесены к той или иной тематической группе.

Существует ряд работ, в которых прямо или косвенно указывается на наличие тех или иных групп лексики в составе лексико-фразеологических библеизмов [Королева 2003, Скляревская 2000, Прохватилова 2000, Булавина 2003, Крылова 2005, Тимофеев 2001, Шураки 2004, Азимов 2005]. Данные классификации обычно проводятся с позиции религиозного мировосприятия либо не решают лингвистических задач. Цель, поставленная нами, была иной: очертить концептуальную картину мира народа, который явился создателем Библии, и выделить тематические группы в кругу номинантов концептов и прочих значимых понятий. Если можно говорить о довербальном уровне концептосферы, то это картина реального мира народа-создателя Книги Книг, которая объективируется в языке и сознании целого народа и каждого индивида, а на этой базе формируется концептуальная картина мира и усложняется структура концептов. Таким образом, мы вычленим понятийный уровень концептов библейского истока, соотносимых с соответствующими денотатами, наименованиями физически осязаемых предметов вещного мира, географических объектов, обычаев и традиций, статуса человека и т.п. Концептуальная картина мира зиждется на этом предметном мире и его ценностях. Дальнейшее формирование концептов происходит в Библии, прежде всего в тексте Ветхого Завета, и представляет собой системность высшего порядка, происходит колоссальное расширение концептосферы за счет понятий религиозного толка, поскольку именно Библия отражает важнейший перелом в сознании человечества: переход от многобожия к монотеизму. Следует заметить, что уже в трактовке многих древнегреческих философов идея Логоса была родственна идее единого Бога, иными словами, магистральной философской идее человечества. Тематическая классификация библейской лексики выполняет функцию подосновы концептуального анализа. В данной главе раскрываются материальные и духовные ресурсы народа, явившегося создателем Библии, на базе выделения следующих тематических групп: «География. Географические объекты. Этнические общности»; «Климат. Природные явления»; «Полезные ископаемые»; «Растительность»; «Животный мир»;

«Трудовая деятельность и ее результаты»; «Строительное дело»; «Торговля»; «Медицина»; «Военное дело»; «Меры и средства измерения времени, расстояния, объема, веса, количества»; «Социальное, экономическое, юридическое, семейное положение человека»; «Культура. Искусство. Образование. Спорт»; «Обычаи. Традиции»; «Нравственные качества»; «Внешний вид человека»; «Одежда. Ткани»; «Пища»; «Письмо».

Представляя отдельные группы, мы стремились в большинстве случаев дать примеры прямого или косвенного участия компонентов тех или иных темгрупп в формировании прецедентных ситуаций и соответствующих концептосфер. При этом следует еще раз подчеркнуть, что реальная картина мира народа Библии в целом оказала огромное влияние на формирование концептуальной картины мира, представленной в библейском тексте, а последний, в свою очередь, становится прецедентным феноменом и участвует в формировании большого количества общеязыковых концептов.

Рассматривая предлагаемую идеографическую схему, которая включает 19 разделов, необходимо сделать замечание о кросс-тематических явлениях, подчеркнув, что они связаны преимущественно не с семантикой компонентов (как в лексико-семантических группах), а с близостью предметов и явлений, которая наблюдается во внеязыковой действительности. Стремясь реализовать принцип однородности предметной области, которую охватывает словарь, мы стремились также к полноте ее охвата. При этом неизбежно как переименование тематических областей (поскольку реально существуют кросс-денотативные явления), так и разная глубина и подробность описания различных сегментов конкретной предметной области. В отдельных случаях переименование актуализируется непосредственно в тексте Библии. Так, *жатва* и *бедность* коррелируют в контексте ситуации «Руфь», и взаимосвязь этих концептов регулярно воспроизводится в ряде художественных текстов, обращающихся к данной прецедентной ситуации.

Анализ концептов библейского истока на основе тематической классификации библейской лексики способствует глубокому познанию их динамики, поскольку дает возможность выявить механизм формирования концепта от его предметно-понятийного уровня через участие в формировании прецедентной ситуации к дальнейшему усложнению смысловой структуры. Так, в классификационно-тематическом разделе реалия «чечевица» представлена в группах «География. Географические объекты. Этнические общности» (статья «Палестина») и «Растительность» (статьи «Бобы» и «Чечевица»). Реалия «первородство» входит в тематическую группу «Обычаи. Традиции. Праздники». Толкования значений указанных реалий дают общее представление о понятийном уровне концептов. Концепт Ветхозаветного истока 'чечевичная похлебка' генерируется к ситуацией «Каин и Авель» (Книга Бытие), а его смысловую эволюцию и функционирование в языковом сознании можно наблюдать в многочисленных текстах, продуцированных в Новое время.

При отборе и минимизации материала для словаря мы ориентировались на активную часть библейской лексики и фразеологии, способной выполнять не только чисто номинативную, но и символическую, компаративную, метафорическую и другие функции, т.е. на ту часть лексики, учёт и изучение которой позволяет решить поставленные задачи филологического комментирования библейских текстов. Ядром лексики, отобранной для классификации, явилась лексика Ветхого Завета с привлечением некоторых важнейших наименований из Нового Завета, тесно связанных с ветхозаветными понятиями. Номинанты, обозначающие такие понятия, содержатся, например, в тематической группе «Нравственные качества. Пороки и добродетели», поскольку многие из них окончательно сформировались в тексте Нового Завета («любовь», «милосердие», «надежда», «вера», «лицемерие», «смирение»). Некоторые лексемы – «богохульство», «мщение», «чревоугодие» – могут быть семантизированы на примерах из текстов как Ветхого, так и Нового Завета.

В главе 3 «Компоненты тематических групп в прецедентном поле библейского текста» представлена мультиаспектная классификация лексики тематических групп, рассмотренных в главе 2, с точки зрения вхождения ее в прецедентные ситуации и выполнения функции номинантов концептов.

Имена **натурфактов** (естественных объектов, природных явлений) содержатся в первую очередь в тематических группах «Климат. Природные явления», «Полезные ископаемые. Минералы», «Растительность», «Животный мир», отчасти в группе «География. Географические объекты» и некоторых других. Особенность номинантов-натурфактов в Библии состоит в том, что они сакрализуются, а затем пополняют общеязыковую концептосферу, претерпевая дальнейшие семантические изменения. Сакрализация любого библейского понятия влечет за собой появление «духовных» смысловых квантов у наименований предметов природного мира. Поэтому рассматриваемые наименования не являются, в сущности, названиями натурфактов в чистом виде: они всегда в большей или меньшей степени связаны с духовной сферой бытия и имеют с ней амбивалентные зоны, что может быть подтверждено в результате анализа смысловой структуры номинантов *kozy*, *волосы*, *железо*, *травы* и др.; огромной значимостью во всех языках обладает номинант концепта *ветер*, входящий в ряд прецедентных высказываний библейского истока. Он участвует в формировании таких прецедентных феноменов, как *кто сеет ветер, пожнет бурю* (Ос. 8.7), *возвращается ветер на круги своя* (Екк. 1.6.).

Отдельные номинанты реалий растительного и животного мира принимают, на первый взгляд, косвенное участие в формировании концептов, однако их значимость, несомненно, очень велика (*жало* в прецедентом высказывании «Смерть! где твое жало?», *кориандр* в прецедентной ситуации «Манна небесная» и ее ключевом концепте).

Наименования **артефактов**, служащие именами концептов, отличаются еще большим разнообразием. Во-первых, этих наименований (ментифактов, социофактов и др.) огромное количество, а во-вторых, как уже указывалось,

имена натурфактов практически всегда имеют амбивалентные зоны с именами артефактов, поскольку натурфакты приобретают черты артефактов (как правило, духовных) в процессе сакрализации. К материальным артефактам можно отнести компоненты тематических групп «Трудовая деятельность. Орудия труда. Плоды трудовой деятельности», «Строительное дело. Материалы и орудия. Специальные сооружения», «Торговля. Монеты», «Военное дело. Вооружение. Охота» и др.

В круг духовных артефактов входят понятия культуры, нравственные понятия, обычаи и т.п. Для библейских артефактов духовного характера весьма существенны имена собственные (антропонимы, топонимы), являющиеся самостоятельными номинантами концептов либо вербализующие смежные концептополя. Среди топонимов наибольшей прецедентной значимостью отмечены *Содом, Вавилон, Ниневия, Моавит, Иерихон, Вифлеем, Голгофа, Палестина, Иордан* и нек. др. Относительно антропонимов верным будет утверждение, что имя почти каждого библейского персонажа является именем концепта или проявляет тенденцию к концептуализации (*Адам, Ева, Каин, Хам, Рахиль и Лия, Авраам и Исаак, Лот, Мафусаил, Иов, Соломон, Самсон, Давид, Голиаф, Юдифь, Руфь, Гог и Магог, Валтасар* и др.), поскольку «имена в Библии не даются случайно: они заключают в себе судьбу своего носителя, говорит о главном его предназначении, об основных свойствах его души. По преданию, древних патриархов в тот миг, когда они нарекали имена своим детям, осенял Дух Божий». С Божественным промыслом связывается изменение имени: «перемена имени имеет в Библии очень большое значение: с изменением имени Господь вносит во внутреннюю сущность человека нечто новое, важное для его спасения» [Щедровицкий 2003]. Аврам ('отец выси, высокий отец') получает имя Авраам ('отец множества'), Сара ('борющаяся') – имя Сарра ('госпожа, владычица'), и именно эти антропонимы становятся их «окончательными», всем известными именами. К антропонимам примыкают наименования лиц по национальности, племенной принадлежности, месту жительства (*Руфь-моавитянка*).

Рассматривая механизмы вовлечения лексических компонентов тематических групп в прецедентное пространство, типы прецедентных ситуаций и концептов, сформировавшихся на основе этой лексики, еще раз подчеркнем, что их типология а priori не может не быть мультиаспектной в силу крайней неоднородности библейских сюжетов, связанных с прецедентными ситуациями, внутренней интертекстуальности, имманентно присущей библейскому тексту, конструктивного и содержательного многообразия когнитивных матриц. Знаками когнитивных матриц прецедентных ситуаций служат не один, а несколько ключевых концептов и ряд субконцептов, а сама ситуация распадается на субситуации («Встреча Руфи с Воозом», «Руфь у ног спящего Вооза», «Иона в чреве кита», «Агарь в пустыне», «Жена Лота» и т.п.). Обозначим **содержательные параметры**, позволяющие ситуациям обретать статус прецедентных в том или ином виде.

Генератором прецедентности служит в первую очередь сам библейский сюжет. Можно предположить, что прецедентно сильными и наиболее плодотворными в отношении генерирования ключевых концептов окажутся те ситуации, которые содержат драматический элемент, историю новеллистического характера. Это предположение оказалось верным лишь отчасти. Действительно, ситуации, где воплощаются мотивы, связанные с семейными или любовными отношениями, часто становятся основой для прозаических произведений, где они могут выполнять не только текстообразующую, но и сюжетообразующую функцию; сам текст обычно содержит переложение библейского сюжета, его рефлексию, варьирование при сохранении общего смыслового наполнения когнитивной матрицы. Такие ситуации особенно продуктивны в порождении смыслов любовной лирики, поскольку их матрицы содержат концепты-репрезентанты 'семья', 'любовь', 'женственность', 'ревность', 'измена' и т.п. Это ситуации «Сарра и Агарь», «Руфь», последовательный ряд сюжетов Книги Бытие, включающих всю историю рода Израилева («Иосиф и его братья» Томас Манна), в особенности «Рахиль и Лия», и др. Нетрудно заметить, что необходимое условие для реализации прецедентного потенциала ситуаций этого типа – наличие в библейском нарративе женских образов.

Так, упоминание о сходстве героини повести Людмилы Улицкой «Сонечка» с библейской праматерью Лией, и, следовательно, о том, что жизненная ситуация, нашедшая художественное воплощение, коррелирует с прецедентной ситуацией «Рахиль и Лия», позволяет читателю и интерпретатору текста осуществить когнитивную ретроспекцию, в результате которой по-новому перечитывается упоминание о близорукости Сонечки («Лия была слаба глазами»), о 17 годах, которые прожил с ней муж, о лишенной ревности «сестринской» привязанности к молодой сопернице. В ахматовской «Рахили» когнитивная матрица библейского текста деформируется в соответствии с законами античной трагедии, т.е. «заблуждения» Иакова. Заметим, что «слабые глаза» Лии, которые в Библии прочитываются либо как «некрасивые» (вероятно, на некрасивом лице), либо как символ «слабости» духовной жизни, в ряде художественных текстов трансформируются в «близорукие», «подслеповатые» (А. Ахматова: «И Лию незрячую твердой рукой...»), – т.е. остаются характеристикой физических качеств. Между тем, уже в Средние века, Лия становится символом деятельной (земной) жизни – в полном соответствии с ее слабым <духовным> зрением, что не сказывается на ее внешней привлекательности. Эту мысль донесла до нас «Божественная комедия» Данте:

*Мне снилось – на лугу цветы сбирала
Прекрасная (bella) и юная (giovane) жена,
И так она, собирая, напевала:
«Чтоб всякий ведал, как я названа,
Я – Лия, и, прекрасными руками (le belle mani)
Плетя венок, я здесь брожу одна.
Для зеркала я уберусь цветами;*

*Сестра моя Рахиль с его стекла
Не сводит глаз и недвижима днями.
Ей красота ее очей мила,
Как мне – сплетенный мной убор цветочный;
Ей любо созерцанье, мне – дела» (lei lo vedere, e me l'ovrare appaga).*

Проявившаяся в русском переводе этимологическая близость корней (Рахиль = со-зерцание; Рахиль смотрится в зеркало, «зерц-ало») позволила М. Лозинскому придать отрывку неожиданно новую точность и глубину, что, в свою очередь, дало жизнь поэтическим текстам, прецедентно связанным не только с Библией, но – непосредственно – с «Божественной комедией». В русской поэзии концепты 'Лия' и 'Рахиль' включают соответствующие смысловые кванты ('деятельность' и 'созерцательность'). Подтверждение находим у Вяч. Иванова в поэме «Сфинкс» и в сонете «Transcende te ipsum», у О. Мандельштама, почти дословно воспроизводящего мысль Данте в известном стихотворении «Он дирижировал Кавказскими горами: Рахиль глядела в зеркало явлений, А Лия пела и плела венки».

Космический масштаб любого библейского концепта, их изначальная привязанность к религиозному дискурсу, не препятствует, таким образом, их дальнейшему философскому осмыслению и переосмыслению, однако можно утверждать, что ситуации, сюжет которых содержит любовные линии, чаще осмысляются именно в этой парадигме, и в целом ситуация «Рахиль и Лия» генерировала значительно больше текстов, эксплицирующих концептосферу 'любовь' (Н.Лесков. Русское тайнобрачие). Ср. у Дилана Томаса для характеристики мучительного любовного разлада душевнобольного: *He had not slept with Rachel and woken with Leah* (Dylan Thomas. The Mouse and the Woman).

Аналогичным образом идет формирование прецедентности на базе ситуаций «Руфь», «Сарра и Агарь».

Огромное количество библейских прецедентных ситуаций, повествующих о знаковых событиях Ветхозаветной истории, о проявлении Божественного промысла, о борьбе человека со страстями, о его «разговорах с Богом», находит смысловые рефлексии в лирике философского характера. Ситуации Книги Бытие, Книги Исход, пророческих Книг и др. породили большое количество концептов, номинанты которых прочно вошли в лексико-фразеологическую систему и в пословичный фонд европейских языков (*запретный плод, фиговый листок, чечевичная похлебка, неопалимая купина, манная небесная, золотой телец, мерзость запустения; чти отца твоего и мать твою, не сотвори себе кумира, ничто не ново под луной, возвращается ветер на круги своя* и многие другие). Как правило, эти номинанты относятся к разряду книжной, иногда устаревшей лексики и в русской лингвистической традиции именуется библеизмами; они широко употребительны в книжных стилях (в художественной речи, в публицистике). В общенародном языке имена концептов могут утрачивать смысловую связь с породившими их прецедентными ситуациями.

Отметим также, что при всей огромной употребительности и популярности этих сигналов прецедентности они редко выступают в функции сюжетобразующего средства в прозаических произведениях. Как было отмечено выше, необходимым условием для переосмысления когнитивной матрицы библейского текста в романе, повести, рассказе, драме является наличие в структуре сюжета женских персонажей. Именно поэтому, например, ситуация «Гибель Содома» подвергается переосмыслению в любовной лирике и прозе (преимущественно с использованием прецедентного потенциала субситуации «Жена Лота»), что нехарактерно для ситуации «Иона пророк», хотя отмечаются бесчисленные обращения к последней в философской и гражданской лирике.

Концепты библейского истока достаточно явственно распадаются на две группы. Часть из них можно назвать «библейскими» с некоторыми оговорками, поскольку это **общезыковые концепты, сформировавшиеся под влиянием библейской прецедентности**. Их формирование началось в глубокой древности и продолжалось на протяжении веков; однако библейский текст сыграл в их судьбе огромную роль. Это концепты Бог, Ангелы, Дух, Дьявол, Черт, Бесы, Сатана, Рай, Ад, Грехопадение, Жертва и Жервоприношение, Евреи, Закон, Клятва, Суд, Вдова, Пост, Покаяние и некоторые другие. Благодаря своему всеобъемлющему общечеловеческому характеру многие из них уже привлекали внимание ученых и нашли рассмотрение в парадигме различных гуманитарных наук, их номинанты прочно вошли в лексическую систему, а сами концепты имеют в настоящее время сложную смысловую многоуровневую структуру. На сохранение близости с библейским текстом указывает не только их функционирование в религиозном дискурсе, не только история развития значений и оттенков значений у имен концептов, но и существование большого количества прецедентных высказываний, связанных с соответствующими прецедентными ситуациями. Ср. концепт 'вдова' и связанные с прецедентными ситуациями Библии «лепта вдовицы», англ. *widow's mite*, польск. *pieniężki wdowy*, также *lepta* (генерировано ситуацией из Нового Завета); «наинская вдова». Подобные концепты относятся к числу тех ментальных образований, которые связаны в Библии с большим, но обозримым количеством прецедентных ситуаций, в формировании когнитивной матрицы которых они участвуют (ср. также *жертва, закон, суд* и под.). В рамках данной группы выделена также подгруппа концептов, которые не могут быть отнесены к определенным ситуациям в силу поистине глобального смыслового содержания и значимости (*Бог, Дьявол, Ангелы, Дух* и т.п.). Сложный путь развития их структуры, влияние на этот процесс духовных поисков человечества, библейского текста и национальных лексических систем – все это позволило занять им одно из ведущих мест в концептуальной картине мира и оказать значительное влияние на формирование литературных языков.

Значимость другой, весьма многочисленной группы концептов (обозначенной нами как **концепты библейского истока**) связана с участием

их в формировании когнитивной матрицы конкретных прецедентных ситуаций. Именно текст Библии, становясь прецедентным, обогащает когнитивное пространство носителей европейских языков ментальными образованиями, которые в полном смысле являются концептами библейского истока. Наличие в структуре этих концептов разнообразных смысловых квантов и наноквантов дает возможность бесконечного варьирования как самой ситуации, так и репрезентирующих ее концептов, зачастую видимой утраты связи с библейским претекстом, редукции прецедентной ситуации до одного-двух концептов – и развертывания ее во вновь продуцированные тексты в «искаженном», а по сути в обновленном виде.

Несмотря на их книжный характер, они хорошо освоены языком, показателем чего служит, в частности, их дальнейшее переосмысление: экспрессивно-стилистическое (ироническое) или семантическое (развитие переносных значений). Таков, например, фразеологизм-номинант «золотой телец», восходящий к насыщенной драматическими коллизиями библейской ситуации Книги Исход, повествующей о поклонении евреями во время странствования по пустыни вместо Бога тельцу, сделанному из золота (Исх. 32.1–4). Атмосфера ритуала поклонения столь непристойному объекту точно передана Г.Гейне, который сравнивает пляшущего Аарона с козлом (Wie ein Bock!)

В качестве олицетворения денег, богатства номинант занял прочное место в русском языке с сохранением идущей от библейского текста отрицательной коннотации в значении (Ф.М.Достоевский, М.Е.Салтыков-Щедрин и др.) Юмористический эффект в известном романе И.Ильфа и Е.Петрова связан не только с заменой компонента в структуре фразеологизма (библейский, книжный – на русский: *телец* – *теленок*), но и с косвенной отсылкой к другим ситуациям Библии (ср. жертва – жертвенный телец, упитанный <жертвенный> телец – о богатой жертве предполагаемого грабежа). Ироническое переосмысление может происходить также без изменения формы фразеологизма.

В современном социально-культурном дискурсе произошла вполне прогнозируемая актуализация концепта, и «Золотой телец» широко используется в качестве эргонима для номинации казино, ресторанов, магазинов и т.п. Связь с библейским текстом окончательно ослабевает, стилистическая принадлежность имени концепта модифицируется (утрачивается как книжный характер, так и ироническая окраска), семантические сдвиги связаны с приобретением положительной коннотации.

Целым кластером субситуаций, ключевые концепты которых широко вербализованы в языке, представлена также ситуация «Адам и Ева»: *рай* (Эдем), *райский* (Эдемский) сад, *древо познания*, *не добро быть человеку единому*, *из ребра Адама, кость от кости и плоть от плоти, оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, плоть едина*, *запретный плод*, *змей* (змий)-*искуситель*, *фиговый листок*, *в муках рожать детей*, *умножать скорбь*, *в поте лица* (добывать хлеб), *(прах и) в прах возвратишься*, *древо жизни*, *изгнание из рая*. При этом наличие в структуре

концептов огромного числа смысловых квантов предоставляет создателям художественных текстов, как было отмечено выше, широкие возможности для их варьирования. Так, «райский (эдемский) сад» в языковом сознании – один из компонентов концептополя ‘Рай’; будучи изгнан из Рая и лишен возможности вкушать от древа <вечной> жизни, человек может попасть в Рай только после смерти; неожиданный эпитет («невеселый») к выражению «эдемский сад» в стихотворении Бахыта Кенжеева оживляет в языковом сознании читателя все эти смыслы, в редуцированном (латентном) виде присутствующие в концепте ‘эдемский сад’. Кроме того, библейская ситуация инвертируется: Адам и Ева съели запретный плод (яблоко) и были наказаны (изгнаны из Рая), а покойные поэты (в стихотворении речь идет об Ф.Тютчеве и Арсении Тарковском), «наказаны» тем, что попадают в Рай (=умирают): *И хотя ни один из них не украл ни яблоко, ни гранат, обоих бардов господь прибрал в невеселый эдемский сад.*

Таким образом, концепты библейского истока обладают необычайной сложностью смысловой структуры, подвижностью, динамичностью. Разнообразие **структурно-семантических особенностей имен** (номинантов) концептов позволяет классифицировать их также по указанным параметрам.

Однокомпонентные номинанты библейских концептов чаще всего представляют собой имена собственные, в том числе такие, которые эксплицируют прецедентную ситуацию в «парном» виде: *Адам и Ева, Молох, Руфь, Самсон, Голиаф, Иов, Иона, Исав и Иаков, Лия и Рахиль, Сарра и Агарь, Содом и Гоморра, Гог и Магог, Вавилон* и др. Реже прецедентная ситуация представлена тремя и более именами: *Ной, Сим, Хам, Иафет*. «Парные» имена могут функционировать асимметрично, например, имя Содом конденсирует ситуацию «Гибель Содома и Гоморры», «Каин» – ситуацию «Каин и Авель».

Многокомпонентные номинанты – фразеологизованные словосочетания, ядро библейской концептосферы, пласт фразеологических библеизмов, неоднократно подвергавшийся изучению в плане выявления соотношенности фразеологии с дословным текстом Священного Писания, их вариативности, сопоставления универсальных фразеологических библеизмов в разных языках, а также лексикографическому описанию. Чаще всего они возникали на базе атрибутивных словосочетаний, ср. *запретный плод, фиговый листок, Аредовы веки, Вавилонское столпотворение, Валаамова ослица, святая святых, египетские казни, Неопалимая купина, манна небесная, золотой телец, обетованная земля, Мафусаилов век, козел отпущения, Валаамова ослица, Иерихонская труба, кимвал звенящий, корень зла, злчное место, юдоль плача, ложь во спасение, глас вопиющего в пустыне, мерзость запустения, краеугольный камень (основание), колосс на глиняных ногах, камень преткновения, хлеб насущный, притча во языцех; также со страхом и трепетом, в поте лица* и др. Это концепты, которые в редуцированном виде содержат фабулу множества прецедентных ситуаций или конденсируют в себе более крупные прецедентные единицы более высокого уровня (тексты, высказывания). Дальнейшая структурная редукция

может происходить на базе метонимического переноса внутри имени концепта: *Неопалимая купина – купина, Вавилонское столпотворение – Вавилон, столпотворение, манна небесная – манна, золотой телец – телец.*

Третий вид номинантов – предикативные единицы (высказывания, цитаты, паремии): *Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю; Избавь нас от мужа кровей; Отойди ото зла и сотвори благ; Бездна бездну призывает; Не сотвори себе кумира и т.п*

В главе 4 «**Прецедентные ситуации Ветхозаветного истока и их ключевые концепты**» библейская прецедентность представлена как образование, способное к бесконечному динамическому варьированию, что связано в первую очередь со смысловой деформацией концептов Ветхозаветного истока при их дискурсивном перемещении. Используя методику наложения когнитивной матрицы библейского текста на тексты художественной литературы, мы можем наблюдать неполное, частичное совпадение основных когнитивных линий, их искажения, привнесения.

Для анализа были взяты тексты, генерированные двумя рассмотренными в главе 3 типами библейских сюжетов, которые условно обозначены как философские и новеллистические. К первым относятся ситуации «Гибель Содома [и Гоморры]», «Иона пророк», «Жертвоприношение Авраама», «Неопалимая Купина»; вторые представлены прецедентными ситуациями «Руфь» и «Сарра и Агарь».

Прецедентная ситуация «Гибель Содома [и Гоморры]» – одна из самых значимых и трагических в Библии – является также одной из наиболее освоенных русской и европейской литературой и культурой. Эта освоенность проявляется в первую очередь в том, что сигналом данной ПС в различных дискурсах служит концепт ‘содом’, имеющий сложную смысловую структуру, обладающий огромными когнитивными потенциями и подвергшийся значительной семантической эволюции в процессе функционирования. Так, несмотря на то, что многие библейские концепты имеют изначально общий статус в европейских языковых картинах мира, в восточнославянских языках на первом месте среди лексических значений номинанта – ‘шум, беспорядок, суматоха’. Лексема «содом» вербализует как концептополе ‘беспорядок’ (*беспорядок, безнрядица, безалаберщина, беспутица, бестолковщина, бестолочь, неустройство, неурядица, ад (!), содом, разгром, столпотворение (вавилонское), светопреставление, кавардак, каша, путаница, кутерьма, пертурбация, катавасия, сутолока, базар, хаос* и т.п.), так и концептополе ‘грех, разврат’. Устойчивые употребления номинанта в последнем значении отмечены в текстах русских классиков, начиная с Пушкина («Проклятый город Кишинев!..» <Из письма к Вигелю> и др.), и в современной беллетристике. Например, в поэтическом тексте Дм. Быкова «Ведь прощаем мы этот содом...» в рассматриваемом концепте закодирован основной смысловой квант ‘грех’, который вербализован большим числом компонентов, эксплицирующих представления о грехе в определенный исторический период (предреволюционная эпоха, начало XX века, Серебряный век русской

литературы). Это самоубийство, чтение книг сомнительного содержания, сектантство, болтовня, собственно «содомский» грех и т.д.

В русской, в особенности в диалектной речи зафиксировано огромное количество употреблений слова «содом», его производных, устойчивых сочетаний и паремий, содержащих эту лексему. По данным словаря Даля, эти употребления не связаны с концептуальной основой 'грех', т.е. непосредственно с библейской ПС, ср. *Такой содом, что пыль столбом; Это не дом а содом; Уток-то на озере содом (=толпа, множество, тмбв., тульск.); За содомом гостей не останется поглотать и костей; Слышь, в кабаке содомят как! (= шумят); содомщик – затейщик ссор, сварливый орала (sic!).*

В западноевропейских языках концепт 'содом' сохранил более четкую связь с генерировавшей его библейской прецедентной ситуацией, поэтому в толковании значения номинанта концепта актуализирована сема 'грех, греховность', ср. в польском *Sodoma i Gomora – 'siedlisko występku, gniazdo rozpuszty, niemoralności, grzechu, bezbożności'*; в английском *Sodom – 'a sinful wicked place'*. Производные (англ. *sodomy* и т.п.) также характеризуют один из тягчайших грехов.

В поэтическом тексте К.И.Галчинского *jeden z Sodomy i Gomory* («один из Содома и Гоморры», один из содомлян) – 'грешный, слабый человек' (Konstanty Ildefons Gałczyński. *Notatki z nieudanych rekolekcji paryskich*).

Дальнейший анализ когнитивной структуры библейской ПС выявил наличие в ней нескольких основных когнитивных линий, наиболее значимых для данной ситуации, и, соответственно, несколько пересекающихся концептополей, служащих для репрезентации данной ПС ('ангелы', 'грех', 'пожар', 'непослушание'; последняя относится к субситуации, связанной с основной ПС, – «Жена Лота»). Субститутутом концепта 'жена Лота' служит «соляной столп» – многомерный образ, вбирающий в себя смысловые кванты 'неподвижность', 'непослушание', 'грех'.

В результате совмещения когнитивной матрицы библейского текста с матрицей цикла Инны Лиснянской «В пригороде Содома» и двух прозаических произведений (Борис Литвинов «Она не узнала о своей смерти», Руслан Киреев «Лот из Содома» мы получили следующее соотношение концептов и когнитивных линий.

Концепты 'Ангелы', 'грех' и 'пожар' вербализованы во всех текстах, реализующих библейскую прецедентность. Именно эти структуры можно считать базовыми для данной прецедентной ситуации. Динамическое варьирование связано прежде всего с генерированием в художественных текстах новых концептов, привнесенных в рассматриваемую ПС: 'ужас' (И.Лиснянская, Б.Литвинов; в Библии концепт присутствует в имплицитном виде в связи с ситуацией огненного дождя); 'память' (Лиснянская), 'жертва' (Литвинов), 'любовь' (Литвинов, Киреев), 'ложь' (Киреев). С другой стороны, в художественных текстах отсутствует экспликация концепта 'непослушание <как грех>', важнейшего для религиозного дискурса; субситуация «Жена Лота» интерпретируется иначе.

В XX веке русская и европейская словесность при обращении к ситуации «Жена Лота» делает акцент на выяснении причин непослушания (Ewa Jaskóła. «Kto to był?» *Żona Lota w poezji XX wieku, czyli rozbijanie stereotypu*). В ряде текстов в качестве этой причины указывается любовь к родному городу, нежелание его оставить и – напротив – желание сохранить его в памяти, что способствует выработке новой когнитивной линии ‘память’ в сознании авторов и интерпретаторов текстовой информации. Весьма существенно, что при этом в смысловой структуре концепта ‘Содом’ проявляются положительные коннотации, ср. ахматовское *красные башни родного Содома*. У Юзефа Лободовского также актуализированы смысловые кванты ‘память’, ‘любовь’ (к городу и дому) и т.п.; жена Лота «застыла в прекраснейший памятник любви» (*Zastygła w najpiękniejszy pomnik miłości*) к «родному Содому». Смерть, которая была ценой за «последний взгляд» женщины, поэт также признает «прекрасной»: *Módlcie się o śmierć równie piękną, / śmierć / za cenę ostatniego spojrzenia*.

Прецедентную ситуацию «Гибель Содома» отличает одно важное обстоятельство, доказывающее корректность оснований разделения прецедентных текстов на «новеллистические» («романические») и «философские». Наличие в структуре этой ситуации философского типа женского персонажа (жена Лота) придает ей амбивалентность и возможность вербализации концептов ‘любовь’, ‘память’, ‘жертва’ и т.п.

Применительно к другим рассмотренным нами ситуациям подобного типа экспликация этих концептов нехарактерна. Так, в случае реализации прецедентного потенциала ситуации «Иона пророк» с той или иной полнотой воспроизводятся основные концепты и когнитивные линии библейского текста – *грех, непослушание, наказание, возможность раскаяния, неисповедимость Божьего промысла*; в смысловой структуре ситуации заключен пророческий символ *смерти и воскрешения*. Хотя сюжет может быть инвертирован, что связано с чрезвычайной многослойностью ПС, он одновременно легко узнаваем в основных ходах (нежелание Ионы проповедовать, бегство, пребывание в чреве кита, спасение и т.д.). Могут актуализироваться не основные когнитивные линии и латентные смысловые кванты: *Все возлежали на муравке подле церкви. Некоторые, подобно Ионе, уже и храпляху* (Лесков. *Архиерейские объезды*), ср. *Иона же спустился во внутренность корабля, лег и крепко заснул* (Ион. 1.4–5). Непрямые аллюзии на библейскую цитату из молитвы Ионы (во время пребывания в чреве кита!) находим у Ф.М.Достоевского: *Пусть он мне даст только три тысячи из двадцати восьми, только три, и душу мою из ада извлечет, и зачтется ему это за многие грехи!* (Братья Карамазовы). Ср: ... *Но ты, Господи, Боже мой, изведешь душу мою из ада* (Кн. Ионы, 2: 5-10).

Несомненно, пребывание Ионы в чреве кита – наиболее фундаментальная субситуация данной прецедентной ситуации, а *кит* – важнейший концепт как религиозного, так и светского языкового сознания. Символический уровень концепта в английском языковом сознании рассматривался в связи с анализом романа Г.Мелвилла «Моби Дик, или

Белый Кит)» («Moby-Dick or, the Whale») [Петровская 1991]. По свидетельству В. Даля, этот волнующий воображение сюжет отражен в загадке «Гроб плывет, мертвец поет?» (Иона-пророк).

Необходимо отметить, что не существует однозначного и точного перевода имени главного «субъекта», номинанта концепта. В русских переводах Библии это «кит», в переводе на английский язык – «огромная рыба». В одном из программных эссе Дж. Оруэлла, содержащем отсылку к данной ПС («Inside the Whale») [Orwell 1962], принятое употребление слова *kim* комментируется следующим образом: «It is perhaps worth noticing that everyone, at least every English-speaking person, invariably speaks of Jonah and the *whale*. Of course the creature that swallowed Jonah was a fish, and was so described in the Bible (Jonah 17), but children naturally confuse it with a whale, and this fragment of baby-talk is habitually carried into later life – a sign, perhaps, of the hold that the Jonah myth has upon our imaginations». В древнееврейском тексте Иону также глотает «большая рыба»; «кит» появляется в греческом переводе, хотя не исключено, что «рыбой» автор назвал именно кита. Диакон Андрей Кураев замечает: «Что такое «большая рыба» религиозного текста – это знают не биологи, а религиоведы. Это и есть тектонические чудовища («драконы», «водные змеи»), которые в мифах всех народов символизируют изначальные, докосмические, неупорядоченные воды. На библейском языке «киты» (греч. khthon; евр. dag) и «драконы» (греч. drakontes; евр. tanninim) – слова взаимозаменяемые <...>. На языке Библии по сути все равно как сказать: «Иону поглотили воды» или «большая рыба» или «смерть».

В огромном количестве примеров прецедентное имя Иона ассоциативно связано с пребыванием в чреве кита, иногда с указанием на физическую невозможность этого поглощения (Н.Лесков, И.Эренбург, Б.Акунин), чаще – с метафорическим переосмыслением «чрева» как тесного и темного пространства: *Лоренц в комнате следователя – как Иона в чреве кита: всюду тьма, тьма...* (С.Липкин); *Но не выйдет Иона из темного чрева* (С.Кекова); *Jak w brzuchu wieloryba: nic nie widać, ciemno, duszno* и т.п. Смысловая динамика связана с переносом квантов 'темнота' и 'теснота' на метафизическое пространство (*Лучше быть Ионой во чреве кита, чем соучастником в чем бы то ни было – Л.Аннинский*), в том числе с переосмыслением «чрева кита» (смерти!) как безопасного пространства по сравнению с полной опасностью реальностью. Как «прибежище» Ионы рассматривает общественную позицию поэтов Оруэлл, название его эссе («Во чреве кита» 1940) становится прецедентным для современного исследователя английской поэзии (Jerzy Jarniewicz, «W brzuchu wieloryba»); в новейшей русской литературе: *расскажи про кита! что рассказывать? Он огромный а в него можно спрятаться во время погрома?* – Сухбат Афлатуни; *Террористы разрушили башню Вавилонского торгового центра <...> Льют дожди, обещают потоп. А мне тут хорошо в ките...* – Алексей Алехин).

В ряде текстов русской культуры прецедентная ситуация «Иона пророк» является тексто- и смыслообразующей.

При наложении когнитивной матрицы библейской ситуации на современные тексты можно утверждать, что в прямом, косвенном или инвертированном виде воспроизводятся основные когнитивные линии и концепты этой ПС, при этом доминирующее положение занимает субситуация 'Иона в чреве кита'. Эти концепты достаточно сложны, поскольку в ряде случаев отсутствует единое понимание прототекста; также наблюдается изоконцептуальность, т.е. перекрещивание коцептосфер. Так, *грех* – «атрибут» язычества, в грехах погрязли жители Ниневии; одновременно *грех* = *непослушание* применительно к пророку Ионе. Наказание – это *пребывание в чреве кита* и наказание – то, чего ожидает Иона применительно к Ниневии. *Неисповедимость Божьего промысла* подразумевает и *обязательность подчинения* Его воле (иначе говоря, невозможность *непослушания*).

«Остров Ионы» Анатолия Кима служит продолжением сюжетов его предшествующих произведений (переселение душ, раздвоение и умножение личностей автора и героев, прыжки во времени, родство человека с животными – также через переселение душ); отдельные линии отражают архаическую охотничью мифологию. С такими художественными установками закономерно связаны искажения библейской прецедентной ситуации, что неизбежно влечет расширение концептосфер прототекста за счет включения в них новых компонентов и реализацию новых концептополей. Искажения, инверсии, не прямое воспроизведение прецедентной ситуации «Иона пророк» связаны, как уже указывалось, с художественными установками автора современного текста, «осовремениванием» постмодернистского характера. Ср. рассуждения о мотивах поведения Ионы:

<...>местечковый пророк Иона видел в Боге абсолютную силу всех действий и всепроникновений, но в то же время простодушно полагал, что и Бога можно на время отстранить от себя, обвести Его вокруг пальца, потому что Он зело велик, то есть очень и очень громаден, вельми неуклюж и космически рассеян <...>.

Привнесение камчадалских верований, мифов, легенд как неотъемлемое свойство метаромана А. Кима (ср. «Белка», «Отец-лес» и др.) значительно искажает библейский текст, однако в этом случае можно говорить о творческом преобразовании прототекста, о его колоссальных текстообразующих возможностях.

Трудный путь танкиста Ионы к мирной жизни, обретение себя и Бога в душе (Маргарита Хемлин. Про Иону) связывается с многократным возвращением в некое «чрево». Возможность такого понимания рецепции прецедентных импульсов рассматриваемой ситуации дает, во-первых, имя героя, и, во-вторых, прямой вопрос другого персонажа: «*Только ты проясни, по какому поводу ты Иона. По тому, которого кит проглотил? Или в честь героя врагов народа Якира?*». Самое страшное чрево – внутренность танка – одновременно является местом, где человек находится ближе всего к смерти; неудивительно, что «*в 1944-м, под Кенигсбергом, Иона выжил*

нечеловеческим образом». Фрида, акушерка, которая «освобождает» рождающегося ребенка, не может, однако, «освободить» Иону, который ощущает себя вновь попавшим в *чрево* (танка-кита). Параллельно наблюдается текстовая экспликация концепта 'море' (как вариант – 'река'), весьма важного для рассматриваемой прецедентной ситуации, но при этом слабо связанного с реальным сюжетом повествования (основное действие происходит в сухопутных Чернигове и Москве).

Делая попытку сформулировать неясную мысль о своей идентификации, Иона адресует к другой прецедентной ситуации Ветхого Завета: *<...> мне товарищ разъяснял, что когда евреи с богом встретились лично, они ему присягнули на верность и устав приняли от сих до сих.* Однако до полного духовного освобождения Ионе предстоит еще многое, а непосредственным итогом приведенного разговора стало новое тяжелое погружение во чрево, новая «смерть»: *В сарае оказалось жарко. Давила крыша, стены. Ионе спьяну показалось, что горит в танке...*

Ближе всего к освобождению герой находится в абсолютном конце повести, когда концептосферы 'воды-моря' и 'чрева-танка' перекрещиваются, окончательно генерируя концепт 'кит' и проясняя прецедентные маркеры текста: *Во сне ему было хорошо, как никогда... Очнулся и подумал, что он снова в танке, и люк открыть нельзя, потому как сверху вода, целое море. Иона громко, не боясь потревожить соседей, начал требовать от всего сердца (=молиться! – Н.О.):*

– Ничего мне не надо, все у меня есть. Только сделай так, чтоб не было воды, чтоб я люк открыл, а то я сойду с ума, а мне еще надо как-то жить, раз уж я родился.

В результате становится возможным совмещение когнитивных матриц, и описание снов Ионы прочитывается как *сон* непокорного библейского пророка в трюме, как *сон духовный*. Сон на Троицкой горе связывается с нахождением Ионы на горе в окрестностях Ниневи, что подчеркивается зеркальностью ситуации: библейский город (Ниневия) уцелел, засохло единственное растение, прикрывавшее Иону от зноя; в тексте Хемлин город (Чернигов) полностью разрушен, в Хмельнике, кроме разрушений, герой узнает о гибели всех близких, а в окрестностях Чернигова все живет и цветет.

Рассматриваемую прецедентную ситуацию отличает также высокая степень востребованности современными поэтическими текстами. Последние, в свою очередь, проявляют внутренний динамизм библейского текста в качестве прецедентного, непредсказуемые инверсии и вариативность. Так, при наложении когнитивной матрицы библейского текста на текст стихотворения Олега Чухонцева «Вот Иона-пророк, заключенный во чреве кита...» обнаруживается, что эти линии в целом совпадают, однако вербализация соответствующих концептосфер имеет значительные отличия. Концептосфера 'непослушание' акцентирована основным текстовым маркером – *строптивость* (*строптивый*), так же, как 'неисповедимость Божьего промысла' содержит указание еще на один сюжетный ход библейского текста (*...еще встанет растение за ночь и*

скукожится враз). Концептосфера 'грех' не эксплицирована (если не считать греха непослушания). Когнитивная линия 'Иона в чреве кита' вербализована широко как представление о чреве – темном, тесном и чрезвычайно грязном пространстве: *темнота-теснота, фекалы, газеты, (подбитые в гурт) думаки, сливные бачки, скверна*. Восприятие интертекстуальных связей художественного и библейского текста во многом зависит от интерпретатора: целевая группа О.Чухонцева – читатели и ценители русской поэзии, поэтому в его стихах отсутствует как пересказ библейского сюжета, так и его прямая цитация (с чем мы сталкиваемся, например, при чтении романа Анатолия Кима). При этом в небольшом по объему поэтическом тексте охвачены практически все концептуальные линии и сюжетные ходы библейского претекста.

Интереснейшие поэтические тексты, смысловая и семантическая организация которых зиждется на прецедентной ситуации «Иона-пророк», – «Плач по Ионе-пророку» и «Герой» Олеси Николаевой.

Композиция «Плача...» – переплетение сюжетных линий библейской ситуации и современности (у Николаевой в большей степени вневременного состояния лирической героини) – обнаруживает некоторое сходство с построением рассмотренного текста Олега Чухонцева, что, впрочем, достаточно характерно для современной поэзии в целом и дает возможность для бесконечного варьирования смысловой структуры концептов ПС. Обратившись к сопоставлению когнитивных матриц, мы обнаружили значимость концептов 'грех' (в полном соответствии с матрицей Библии; у Николаевой речь идет преимущественно о 'покаянии', теснейшим образом связанном с грехом), 'сон', а также 'сад', 'свет' и 'тьма' – концепты общечеловеческого статуса, сформировавшееся под влиянием библейского текста.

В последнем сегменте текста аллюзия на засохшее растение – эпизод, венчающий ситуацию «Иона пророк», – связывается с образом погибшего сада, при этом используется такой прием, как сталкивание в одном контексте различных значений многозначных слов: тыква *засохла* (иными словами, *сгорела* в лучах палящего солнца) – сад *сгорел* (в пламени пожара, который *не может озарить тьмы*): *И сад мой – мертв <...> И все сады – горят. Но пламя их – не озаряет ночи..*

В «Герое» Олеси Николаевой прецедентность рассматриваемого сюжета проявляется в еще более сложном переплетении смыслов, смещении акцентов, в результате чего генерируется текст колоссального художественного воздействия.

Следующая прецедентная ситуация – «Неопалимая Купина» не содержит большого количества когнитивных линий, поскольку является небольшим (но чрезвычайно значимым) эпизодом библейского текста, в котором впервые возникает *купина горяше* (ὁ βάτος χαίεται πυρί, *rubus uritur igne*).

Неопалимая Купина – чудесный, горящий, но не сгорающий куст терновника, в пламени которого Моисею явился Бог и повелел ему вывести

еврейский народ из египетского плена (Исх. III, 2). Это важнейший ветхозаветный прообраз Богоматери, ее чистоты, нетленности, символ непорочного зачатия.

В этом эпизоде эксплицируются концепты 'Бог, Божественное начало' и 'Божественное пророчество', поэтому 'Неопалимая Купина' обладает достаточной смысловой самостоятельностью и одновременно является компонентом концептосферы «Бог». У рассматриваемого концепта может выделяться понятийный уровень, поскольку «неопалимая купина» – народное название ясенца (*Dictamnus albus*), который может вспыхивать, но не сгорать в сухую, жаркую погоду.

Языковое выражение номинанта концепта обладает богатой внутренней формой в русском и в других славянских языках, связанных с православной культурой (ср. укр. *неопалима купина*, болг. *неопалимата къпина*); в европейских языках употребляется более близкое к библейскому первоисточнику имя «горящий куст» (англ. *burning bush*, франц. *buisson ardent*, польск. *krzak ognisty*). Образ этот является одним из самых поэтических и наполненных глубоким символизмом в русском языковом сознании и в художественных текстах. Несомненна его близкая связь с концептом 'огонь', а через него – с концептом 'свет'. И *огонь*, и *свет* также обладают мощным символическим потенциалом. В художественных текстах концептосфера 'Неопалимая Купина' может быть вербализована разными компонентами, иметь косвенную и инвертированную вербализацию или не иметь вербальной экспликации, если концепт выявляется всей прецедентной ситуацией «Моисей в пустыне» (А.Белый, В.Брюсов).

Связь образа Неопалимой Купины с концептом 'Бог' обладает большой устойчивостью, и в большом количестве текстов разных авторов Неопалимая Купина символизирует Божественное откровение, пророчество, очищение, нетленность (Мельников-Печерский, Лесков). Многочисленны и разнообразны поэтические тексты, эксплицирующие символический уровень концепта (М.Волошин). Сложной и неоднозначной структурой обладает этот образ в творчестве А.Блока (представлен такими компонентами, как *Моисеев куст*, *Купина*, *огонь Купины*, *Купина затлевет*). Он может быть вербализован максимально близко к библейскому пониманию как компонент концептосферы 'Бог' («Весна в реке ломает льдины...»), символизировать Божественную чистоту, а также отвлеченно-возвышенную женственность («Странных и новых ищу на страницах...»), находить философское переосмысление в духе идей пантеизма («Старушка и чертенята»).

Во многих текстах современной прозы и поэзии при обращении разных авторов к теме Холокоста, к ближневосточной тематике, обычно при описании Израиля, т.е. Святой Земли, где произошло первособытие, отраженное в Библии, при любой творческой установке, художественных задачах, переосмыслениях библейского образа и привнесениях в его смысловую структуру связь с концептом 'Бог' является отчетливой и цельной (С.Липкин, И.Лиснянская и др.).

В большом количестве современных текстов изоконцептуальность рассматриваемого концепта концепту 'Бог' может быть не выражена отчетливо, хотя в целом сохранена (С.Алтухов, С.Кекова, Евг.Сабуров).

Рассматриваемый концепт обнаруживает текстообразующие возможности в рамках большого текстового пространства в романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик», где большая часть действия разворачивается также на Святой земле. Особенность романа в его магистральной теме – поисках Бога, поэтому концепт 'Неопалимая Купина' в качестве экспликанта концепта 'Бог' чрезвычайно органичен для смысловой структуры текста романа. В то же время его собственная значимость связана с тем, что он служит прямой отсылкой к прецедентной ситуации «Моисей в пустыне», а с этой ситуацией может быть соотнесен текст всего романа и образ главного (и заглавного) героя. Даниэль Штайн – *переводчик (переводчик)*. Основное значение глагола «переводить» – *'ведя, сопровождая, переправлять через какое-либо пространство'*, поэтому название профессии Штайна совмещает как минимум прямое и переносное значение (*'выражать, передавать средствами другого языка'*), включая разные оттенки значения, актуальные для идиостиля Л.Улицкой. Даниэль Штайн – и *переводчик* в немецкой комендатуре, и «переводчик» богослужения, и «переводчик» в другую веру, и, разумеется, тот, кто *вывел, перевел* людей из гетто в лес (<...> *вывел нас, как Моисей*). «Переводу» подверглось также его имя – Дитер; имя Даниэль отсылает к прецедентной ситуации «Даниил пророк».

Поэтому с самого начала мы предполагали, что среди прочих когнитивных структур текста найдет экспликацию концепт 'Неопалимая Купина', и это предположение полностью подтвердилось. На протяжении повествования можно наблюдать, как на базе явления реальной действительности (ясенец) возникает номинант концепта, получающий библейское смысловое содержание, а затем символическое наполнение.

Концепт 'Неопалимая Купина' обладает большим текстообразующим потенциалом. Подтверждением этого служат как прозаические тексты, озаглавленные именем рассматриваемого концепта, в русской и в европейской литературе (Иван Наживин. «Душа Толстого. Неопалимая Купина»; Kazimierz Nowosielski. Krzak ognisty; Romain Rolland. Le Buisson ardent – IX книга романа «Жан-Кристоф» и др.), так и стихотворные произведения (О. Чухонцев. Однофамилец; А.Кушнер. Кустарник).

Если говорить о смысловой эволюции концепта 'Неопалимая Купина' в языковом сознании носителей русского языка и в текстах русской литературы, то в самом общем виде она выглядит следующим образом.

Тексты русской классики эксплицируют его наиболее близко к библейскому пониманию. В современных текстах эта близость в целом сохраняется, однако может наблюдаться достаточно свободное обращение с когнитивными линиями прецедентной ситуации, ее искажения, привнесения в ее структуру, косвенное воспроизведение и т.д. Традиция обращения к образу Неопалимой Купины не прерывалась в тексте советской литературы, однако произошло закономерное ослабление связи этого концепта с базовым

концептом 'Бог', исходное словосочетание, служившее именем концепта, подверглось фразеологизации. Устойчивое сочетание *неопалимая купина* фиксируется в БАС со значением 'в библейской мифологии – *горящий, но чудом не сгорающий куст*'. На базе исходной семантики в текстах развиваются оттенки '*огонь, который не способен уничтожить, – в прямом и переносном смысле; испытания; мужество, стойкость, подвиг*' и т.п.

Поэтичность образа Неопалимой Купины, богатая внутренняя форма фразеологизма, являющегося номинантом концепта, – все это предопределило его устойчивость и употребительность в текстах самого разного содержания и художественных направлений. В пространстве советской литературы он продолжал выполнять текстообразующую функцию, хотя мог практически утратить связь с библейской прецедентной ситуацией и сохранить значение «сильный <очищающий>, грозный *огонь*». Далее развиваются смысловые коннотации: любые *испытания* (важнейший элемент концептуальной картины мира советского общества) – *стойкость, мужество* (= подвиг), проявленные в этих испытаниях. В военной и послевоенной прозе и публицистике нередки примеры такого рода. Особую значимость приобрел рассматриваемый концепт в украинском языке. Так, Максим Рыльский (поэма «Неопалимая купина», 1943) предрекает врагам еще не освобожденной Украины смерть в «вечном огне» и рождение новой жизни из этой «неопалимой купины». Неопалимая купина именуется также «священной» и «благоуханной», картины украинской истории и грядущей мести приобретают почти библейский масштаб. При этом призывом к мести послужило «слово партии»: *І партії почувши слово, Стобратні рушили війська <...> І туманіють вражі зграї, І сонце з хмари вирина, І з-над пожарів виникає Благоуханна купина*. Другой авторитетный текстовый источник – киноповесть Александра Довженко «Украина в огне» – также способствует актуализации смысловых квантов и наноквантов 'подвиг', 'страдание', 'непобедимость' и т.п.: *І стоїть Україна перед нашим духовним зором у вогні, як неопалима купина*. Эта цитата используется либо в качестве интертекстуального фрагмента, либо без ссылок на источник, но с твердой уверенностью ряда современных авторов в том, что Неопалимая Купина – национальный символ Украины: *Біблійний вислів «Неопалима купина» став національним символом. Згадаймо Довженкове: «І стоїть Україна перед нашим духовним зором, як неопалима купина»; значенні словотвір неопалима купина <...> символізує незнищеність рідної землі; Неопалима купина – поетичне відображення долі України та українського народу*.

Такую символику концепт не приобрел ни в русском, ни в белорусском языке. Из текстов советских авторов, кроме публицистических, наиболее значимым представляется повесть Бориса Васильева «Неопалимая купина», содержательно также связанная с темой Великой Отечественной войны, через которую прошла навсегда «опаленная» ею героиня, «реликт эпохи военного коммунизма», проявляющая в мирное время удивительную стойкость и мужество и в финале гибнущая во время пожара. Ситуация

гибели героя романа Л.Улицкой Даниэля Штайна отмечена чертами поразительного сходства со смертью героини Б.Васильева. Ср. у Васильева:

А из горящего комода <...> раз за разом били по ней пули из патронов к «вальтеру» <...>... ее вдруг бросило на стену, и в ослепительно полыхавшем пламени она ясно-ясно увидела улыбающегося Васю. – и у Улицкой:

Огонь взмыл вверх двумя густыми рукавами, машина медленно перевернулась, нашла единственный провал между двумя каменными грядами и загрохотала вниз, вильнув красным шлейфом. От места ее приземления вверх, к дороге побежал огонь <...> .

По-видимому, можно говорить об устойчивых смысловых ассоциациях, связанных как с прецедентной ситуацией «Моисей в пустыне» (Бог, говорящий из горящего куста, – чудо – смертный человек не может не сгореть в огне), так и с внутренней формой номинанта концепта (*Купина горит, но не сгорает – есть нечто нетленное, то, что сильнее смерти*).

Прецедентная ситуация «Авраам и Исаак» является одной из важнейших в Книге Бытие. Ситуация обладает огромной значимостью в иудаизме, христианстве, мусульманстве. Среди всех когнитивных линий, развертывающихся в рассматриваемой прецедентной ситуации, абсолютно сильную позицию обнаруживает линия ‘жертва, жертвоприношение’ и соответствующий ключевой концепт, в формировании и семантической эволюции которого библейские тексты сыграли огромную роль и который занимает значительное место как в языковой и концептуальной, так и в художественной картине мира. Именно поэтому к рассматриваемому сюжету традиционно обращается религиозная философия, рассматривающая под разными углами зрения концепт ‘жертва’, не познаваемый с позиции простого смертного. Мы имеем в виду в первую очередь С.Кьеркегора, для которого ситуация «Авраам и Исаак» послужила фундаментом его построений о вере.

Концепт ‘жертва’ с наибольшей полнотой репрезентирует прецедентную ситуацию «Жертвоприношение Авраама» и находит экспликацию в текстах, созданных на разных языках, различных по жанру, стилистике, индивидуально-авторской принадлежности (Ласло Бито / Laszlo Bito. Семь ключей к вратам рая; А.Тарковский, В.Шнейдер и др.). Достаточно прогнозируемой является актуализация рассматриваемой ПС в постсоветской публицистике: *Вся история 60-70-80-90-х – история жертвоприношения Авраама. Отцы готовы закласть детей по воле государства, из страха, ради сохранения жалкого статус-кво частичных репрессий* (Валерия Новодворская. Жертвоприношение Авраама).

В современном культурно-философском и художественном дискурсе наиболее значимый текст, обращенный к данной прецедентной ситуации, – поэма Иосифа Бродского «Исаак и Авраам».

Другие когнитивные линии, образующие данную прецедентную ситуацию, реализуются в художественных текстах сравнительно редко. Ср., например, ‘овен, оказавшийся в кустах’ в повести Н.С. Лескова «Некрещеный поп».

Необходимо отметить когнитивный универсализм рассматриваемой прецедентной ситуации. Так, наложение матрицы библейского текста на текст романа Раймона Лефевра «Жертвоприношение Авраама» («Le sacrifice d'Abraham») выявляет реализацию ключевого концепта 'жертва'/'sacrifice', выполняющего текстообразующую функцию. Несмотря на то, что слово-номинант концепта имеет во французском языке несколько иную, чем русское «жертва», семантическую структуру, этимологические и словообразовательные связи (ср. sacré 'священный, святой', sacrement 'таинство, освящение', sacrer 'посвящать в сан' и т.д.), экспликация концептосферы 'жертва' представляется устойчивой и сходной в разных языках. Как и в других примерах, высокой воспроизводимостью обладают концепты 'отец'/'сын' и концептосфера 'государство' ('родина') как субститут «отца», что характерно для языковой и концептуальной картины мира многих языков (русск. отчизна, отечество, англ. fatherland, нем. Vaterland, исп. patria, латышск. tēvijā от tēvs 'отец', болг. отечество, польск. ojczyzna, укр. батьківщина и т.д.). В романе Лефевра *государство* и реальный *отец* приносят *сына* в жертву войне, <отцовскому> тщеславию и <государственному> патриотизму, а последний, в свою очередь, изоконцептуален тщеславию и национализму. Когнитивная структура романа «стянута» абсолютным началом (название, содержащее номинант концепта) и финальным письмом отца – развернутым сравнением, отсылающим к прецедентной ситуации «Авраам и Исаак». Искажения в когнитивной матрице библейского текста также имеют достаточно сходства, чтобы можно было говорить об их универсальном характере: если речь идет о реальной жертве, многие когнитивные линии библейской прецедентной ситуации – *Ангел, овен в кустах* – не реализуются и не могут быть реализованы.

Прецедентные ситуации «Сарра и Агарь» и «Руфь» относятся к ситуациям, содержащим драматический элемент, их сюжет построен по новеллистическому типу.

Исходя из содержательной стороны ситуации «Сарра и Агарь», мы можем с определенной степенью уверенности предположить, какие именно концепты будут формироваться на ее основе и какие предсказуемые изменения в структуре когнитивной матрицы и ключевых библейских концептов будут происходить. Для рассматриваемой ситуации Библии важнейшими являются концепты 'всемогущество Бога' (рождение Исаака – то, что выше человеческого естества), 'неисповедимость Божьего промысла'. В библейской «жестокости» есть смысл, который выше понимания земного человека (подобный жертвоприношению Авраама); в изгнании и страданиях Агари прочитывается ее грядущее предназначение. Наконец, прецедентные имена праотца множества народов Авраама, праматери Сарры, их сына Исаака формируют когнитивную линию 'семья' и соответствующий концепт. Ситуация содержит важнейшее условие для реализации прецедентного потенциала сюжетов данного типа – наличие в библейском нарративе женских образов. Варьирование когнитивной линии 'семья' – одной из

важнейших в рассматриваемом прецедентном тексте – генерирует концепты ‘семья’, ‘любовь’, ‘женственность’, ‘ревность’, ‘измена’ и т.п.

При обращении к прецедентной ситуации в рамках художественного дискурса наблюдается постепенное искажение когнитивной матрицы библейского текста, динамическое варьирование ее смыслов. Так, у Я. Полонского («Агарь», 1855) можно отметить, с одной стороны, актуализацию одного из наиболее важных концептов библейского претекста (и Библии в целом) – Агарь-мать, праматерь мусульман; с другой – привнесение рассказа о ее нравственных страданиях, о жизни в доме Авраама и т.п. «Пролитые слезы» – одно из первых в русской классике упоминаний об Агари как «плачущей», «рыдающей».

Связь с религиозно-философским смыслом библейского претекста и аллюзии на другую Мать – Богородицу – могут оставаться достаточно устойчивыми, поскольку в Библии содержится не только пророчество рождения Спасителя, но также упоминание о животворном источнике духовной силы («колодце»), на который указал Агари и ее сыну Ангел (Черубина де Габриак, Мирра Лохвицкая).

Атрибуция Агари как «матери, изгнанной из дома отцом ее ребенка», оживляет в имени ключевого концепта различные смысловые кванты, связанные с общеязыковым концептом ‘покинутая женщина’. В этих случаях актуализируются субситуации «Бегство Агари» и «Агарь в пустыне» и происходит ослабление прецедентного потенциала иных субситуаций в рамках рассматриваемой ПС («Бесплодие Сарры»; «Окончательное заключение завета между Богом и Авраамом, обрезание»; «Поведение Измаила на пиру» – обращение к ним крайне редко). В сознании носителей многих языков закреплены ассоциативные ряды, связанные с *плачем, страданием, одиночеством* Агари: *Тоска, тоска звериная! Впервые жжет слеза <...>* (София Парнок); *Плачет, плачет мать о сыне, Стонет смуглая Агарь* (Мирра Лохвицкая); *do Ciebie, Jehowa, Podnoszę płaczącą swój głos* (Kornel Ujejski); *<...> a Лариса будет моя невольница... моя рыдающая Агарь...* (Н.Лесков).

Аллюзия на страдания Агари усилена за счет сближения прецедентных имен двух библейских страдальцев, Иова и Агари, у Габриэлы Мистраль в стихотворении «Терновник» («Боярышник», «El espino», пер. Инны Лиснянской): *И – я терновник обняла с любовью (так обняла бы Иова Агарь)/ cual si Agar abrazara a Job.*

Таким образом, *плачущая Агарь* страдает от того, что изгнана из дома отцом ее ребенка, хотя в религиозной картине мира (применительно к Агари – прежде всего в мусульманстве) эти слезы имеют иной смысл [Каграманов 2006]. Подобное переструктурирование когнитивной матрицы библейской ПС в рамках художественного дискурса демонстрирует ее существенное варьирование. Обращение к рассматриваемой ситуации особенно характерно для поэзии. Агарь – востребованный любовной лирикой символ покинутой, отвергнутой женщины, Измаил – брошенное отцом дитя (М.Цветаева, И.Эренбург, Kornel Ujejski). Привнесение новых смысловых квантов в

структуру ПС и ее ключевого концепта отличается большим разнообразием, поскольку разнообразны человеческие отношения в рамках любовных треугольников; такова, например, целующая Агарь (= соперницу) Сарра (=жена) в тексте Светланы Кековой.

И. Бунин, в художественном мире которого образы библейских женщин обладают особенно притягательной силой, обращается к рассматриваемой ПС в рассказе «Натали». Героиня (Гаша), внешне удивительно похожая на библейских женщин (...отец когда-то говорил: «Вот, верно, такая была Агарь»), – не законная супруга и не «госпожа», а «наложница» и «крестьянская сирота» (=рабыня, подобно Агари). Отсылка к прецедентной ситуации эксплицирует концептополе 'трагическая любовь'. Агарь – юная (...вид она имела еще полудетский), черноволосая, с «темной тонкой кожей» и «глазами цвета сажи» – в когнитивной картине мира носителей русского языка всегда «брошенная возлюбленная»; сходство подчеркнуто созвучием имен (Гаша/Агафья – Агарь). Натали в прецедентном поле данной ПС приобретает черты как Сарры, так и Агари: она не законная, а «тайная жена», погибающая в «преждевременных родах». Заметим, что Бунин особую значимость видел в образе праматери Рахили (ср.: *Сладчайшее из слов земных! Рахиль!* «Гробница Рахили»), поэтому в «Натали» нельзя не отметить обращения писателя к прецедентной ситуации «Лия и Рахиль». Герой стремится к счастью с «Рахилью» (Натали), но получает взамен, подобно Иакову, «Лию» (Соню). Кончина Натали повторяет трагическую смерть Рахили, умершей при рождении Вениамина. По сравнению с библейскими претекстами концептополе 'смерть, гибель' в рассказе Бунина эксплицировано значительно более отчетливо. Встреча с овдовевшей Натали происходит на фоне отпевания, «в сумраке и ладане этой **страшной** залы»; наконец, умирает сама героиня. Судьба новорожденного неизвестна, но осиротел ее старший ребенок, подобно тому, как Рахиль оставила после себя не только Вениамина, но и Иосифа. Вся концептосфера трагической любви, безусловно, служит убедительным доказательством динамических возможностей библейской прецедентности, бесконечного варьирования когнитивной матрицы библейских прецедентных ситуаций.

Реализация прецедентного потенциала библейской ситуации «Сарра и Агарь» путем вербализации концептополей 'любовь', 'ревность', 'измена' и т.п. в прозе (например, у Н.Лескова) может сочетаться с ее ироническим переосмыслением. Юмористически обыгрывает библейскую ситуацию Джером К.Джером («Как мы писали роман» /«Novel Notes»), подчеркивая релятивизм моральных норм и представлений о женской привлекательности: <...>*Sarai stood in no danger of losing the respect of her little world when she led Hagar unto Abraham.* В романе Эрве Базена «Анатомия одного развода» («Madame Ех») имя ключевого концепта иронически вовлечено в концептополе 'развод'.

Менее предсказуемым является актуализация в структуре концепта 'Агарь' смысловых квантов, связанных с происхождением от Агари

«великого народа», развитие новых значений у номинанта концепта, появление новых словообразовательных связей.

Агаряне (метонимически: Агарь) – ‘арабы, мусульмане’. Производное, унаследованное из старославянского языка [Богородский 2004], употребляется в текстах религиозного содержания, в житийной литературе. В художественном дискурсе и в русском языковом сознании – ‘иноверцы, мусульмане’, наименование лиц по национальности, актуальное для данного периода развития социума (‘арабы’, ‘турки’, ‘чеченцы’); ср. в одической поэзии XVIII века (М.В. Ломоносов. Ода ... на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина; П.А. Сумароков. Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорение Молдавии; В. Майков. Ода на сражение флотов российского с турецким...).

Вовлечение прецедентного имени «Агарь» в концептополе ‘мусульманство’ широко представлено в творчестве И. Бунина («Путеводные знаки», «Иудея»).

В русском языке «агарянин» относится к числу немногочисленных экспрессивных этнонимов, имеющих высокую, книжную окраску – наряду с такими наименованиями, как «галлы», «россы», поэтому слово, обладающее также явным налетом архаизма, охотно используют авторы исторических романов (Д. Мережковский, В. Иванов, В. Пикуль).

В украинском «агарянин, агаряньский» (также устаревшее) – ‘магометанский; турецкий’: *А в турецьку землю агаряньську Без кормиг прибило.* (Тарас Шевченко. Невольник).

Семантико-стилистические особенности номинанта концепта в болгарском языке заключаются в том, что слово (по вполне объяснимым причинам) имеет сниженную окраску: *презрит.* Турчин, нехристиянин. (*Агарянци, синко, врагове божии.* Иван Вазов. Под игото).

В европейских языках номинант «Агарь» и производные имеют сходные значения и эксплицируют концептосферы ‘мусульмане’, ‘иноверцы’. В английском употребление лексемы *Hagarenes* чаще связано с религиозными контекстами; польское *Hagryci* также употребляется преимущественно в текстах религиозного содержания. В русском языке существует традиция использования номинанта в художественных текстах, поэтому нет препятствий для дальнейшего вхождения его в язык беллетристики и публицистики: *Ельцин решил открыть военные действия против нечестивых агарян, точнее против нечестивого агарянина генерала Дудаева.*

Обращение к прецедентному имени Агарь (к его производным) служит вербализации концептополя ‘мусульманство’, как правило, противопоставленного в языковой и когнитивной картине ‘христианству’. Дальнейшая смысловая эволюция концепта в русском языке «коррелирует» с пророчеством, которое было дано Агари Ангелом по поводу судьбы Измаила: «жить будет он пред лицом всех братьев своих». «Всех братьев» – означает не только христиан, но также (и в первую очередь!) иудеев, современных израильтян. Беллетристика последних лет содержит обращение

к концепту 'Агарь' с актуализацией ранее латентных квантов смысла 'изгнание матери-мусульманки матерью-иудейкой', 'вражда между детьми, рожденными этими матерями, и их потомками' и т.п. (Хольм Ван Зайчик. Агарь, Агарь!..; Борис Вайнблат. Сара и Агарь; Керен Климовски. Рада).

Неисчерпаемая смысловость рассмотренной прецедентной ситуации позволяет предположить наличие в ней латентных смысловых квантов и наноквантов, которые могут актуализироваться в соответствии с художественными задачами писателя, потребностями говорящих на разных языках и социума в целом (в современной публицистике многочисленны обращения к ситуации в дискуссиях о суррогатном материнстве).

Своеобразие прецедентной ситуации «Руфь» заключается в ее необычайной значимости для религиозного дискурса, в котором реализуются две важнейшие когнитивные линии и соответствующие им концепты: 'смена вероисповедания, прозелитизм' (обретение единого Бога) и 'праматерь царя Давида и Иисуса'. Развертывание этой прецедентной ситуации в рамках художественного дискурса дало жизнь другим концептосферам, прямо или опосредованно связанных с библейским текстом и чрезвычайно важных для художественной картины мира европейской и мировой культуры.

В русской языковой картине мира произошло некоторое ослабление прецедентности в связи с уменьшением значимости этой ситуации в советской литературе. Однако традиции русской классики, а также большое количество переводных текстов, в том числе хрестоматийных, обращавшихся к Книге Руфь (Н. Лесков, Конст. Леонтьев, С Маршак, Себастьян Брант, В.Гюго, Г.Х.Андерсен и др.), – все это не позволило свести прецедентность в культурном и языковом пространстве к нулю. В позднесоветской и постсоветской художественно-когнитивной картине мира эта ситуация и ее ключевые концепты заняли прочное место.

В дальнейшем связь с религиозным дискурсом может оставаться весьма прочной или, как при обращении к любой библейской прецедентной ситуации, ослабевать. В последнем случае актуализируются концептосферы, связанные с непреходящими общечеловеческими нравственными ценностями: 'иноземность, чужестранство'; 'семья' – оба концепта в наибольшей степени вязаны с библейским текстом; 'женственность' и неразрывно связанная с женственностью 'скромность'); 'трудолюбие'; 'грусть, тоска'; 'природа, времена года'

Перечисленные концепты находят экспликацию в огромном количестве текстов; нетрудно заметить, что выделение их в определенной степени условно, поскольку они тесно взаимосвязаны, а соответствующие концептосферы отличает изоконцептуальность ('семья' – 'женственность', 'трудолюбие – женственность', 'иноземность' – 'грусть' – 'природные явления' и т.д.).

Концепт '*иноземность*' вербализуется в первую очередь в устойчивом определении Руфи как моавитянки, чужестранки в Вифлееме, а также в ряде других компонентов рассматриваемой концептосферы, указывающих на

Руфь как на человека иноземного происхождения и другой веры (Н.Лесков, С.Маршак, Асар Эппель, М.Осипов, Лион Фейхтвангер).

Имя Руфи содержит имплицитное указание на все степени родства (*вдова, невестка, жена, праматерь*), Ноеминь – *свекровь*, Елимелех – ее *муж*, Махлон и Хилеон – их *сыновья*, сыном Ноемини называют соседки новорожденного Овида, сына Руфи; Орфа – вторая *невестка*, Вооз – человек, ставший *мужем* Руфи; в ситуации участвует не названный по имени *родственник* покойного мужа Руфи, – поэтому концепт ‘семья’ является ядерным как в Библии, так и практически во всех текстах, адресующихся к рассматриваемой прецедентной ситуации (И.Бунин, С.Маршак, И.Лиснянская, М. Гамбург; Виктор Гюго, Себастьян Брант.).

В свою очередь, *женственность, скромность, трудолюбие* – как качества идеальной *жены* – имеют весьма отдаленную связь с текстом Библии. Однако огромное количество текстов служит свидетельством того, что в языковой, концептуальной и художественной картине мира происходит актуализация именно этих концептосфер и динамическое варьирование когнитивной матрицы библейского текста.

Истоки многих важнейших когнитивных линий (‘трудолюбие’) и зарождения новых смыслов находятся в микроситуации «Руфь, собирающая колосья». По количеству прецедентных обращений и значимости для художественного дискурса ее можно сравнить с субситуацией «Иона в чреве кита». Характеристики Руфи как *скромной, кроткой* имеют опосредованную ассоциативную связь с библейским претекстом (*Руфь, собирающая колосья – трудолюбивая – скромная*), однако эти концепты, эксплицирующие соответствующую прецедентную ситуацию, находят вербализацию в художественной картине мира разных авторов

Ситуация «Руфь, собирающая колосья» служит импульсом для экспликации концептов времен года и природных явлений (Г.Х.Андерсен, Е.Кузьмина-Караваева). В сознании носителей европейских языков *жатва* тесно связана с осенними полевыми работами, а концептополе ‘осень’ – с *грустью, тоской, унынием*, что естественно для Руфи, переживающей разлуку с родиной: *Но если поздно, полная тоски, Она <любовь> придет, пусть будет незаметной <...> То Руфь, что подбирает колоски / Or if these bloom when worn-out autumn grieves...A graceful Ruth tho' gleaning scanty corn* (Кристина Дж. Россетти. Осенние фиалки).

Обратившись к понятийно-научному уровню концептов времен года ‘весна’, ‘лето’ и ‘осень’, интерпретатор текста должен сделать однозначный вывод о том, что прецедентная ситуация разворачивается в период апреля-июня, когда в Палестине происходила жатва, что точно воспроизведено в «Оде к соловью» Джона Китса: Руфь, *собирающая колосья*, слышит *песню соловья*. Стихотворение Китса – один из немногих текстов, эксплицирующих концепты Книги Руфь с библейско-климатологической точностью: концепт времени года вербализован компонентами *summer* и *summer eves*. Достаточную точность можно отметить в тексте Виктора Гюго «Спящий Вооз» (*Booz endormi*), где описание природы дает основание предполагать,

что действие происходит «ранним летом». В остальных случаях, как правило, происходит адаптация этого важнейшего для языковой картины мира концепта к реальной когнитивной базе носителей языков.

Прецедентная ситуация «Руфь» может наполняться новым духовным содержанием: сохраняется достаточная точность в пересказе и указания на ключевые концепты библейского текста (*жена*), при этом Руфь-жена становится символом человеческой души, бесконечно устремленной к Богу, преданной ему до конца: (Р.М. Рильке. «Моя душа теперь – Твоя жена...» /«Und meine Seele ist ein Weib vor dir...»). В романе Ф. Горенштейна «Псалом» прецедентность реализуется в первую очередь отсылкой к самому прецедентному имени – Руфь (Руфина)-Пелагея – и к его этимологическому пласту. Руфь («подруга») становится верной подругой приемному отцу Дану-Антихристу, готова родить от него сына, т.е. становится одновременно *женой* (прямая отсылка к другой ПС – «Лот и его дочери») и его духовной наследницей.

Большое число обращений к рассматриваемой прецедентной ситуации в текстах разных авторов приводит к ослаблению концептосфер, связанных с первоначальным (библейским) текстом и появлению новых концептосфер, порождению новых смыслов, порою весьма неожиданных. В «Поэме осени» (Poema del otoño) Рубена Дарио концептуальная связь с библейским текстом практически отсутствует, поскольку текст посвящен вечным размышлениям о том, как человек встречает старость, и полон надежд, что эта встреча должна пройти под знаком земной любви; в когнитивной сетке такого текста встреча Руфи с Воозом инвертируется из библейского в некий античный сюжет: «*Руфь, жди Вооза поутру, собирай колосья!*» (*Aún en la hora crepuscular canta una voz: «¡Ruth, risueña, viene a espigar para Booz!* »)

В контексте европейской культуры эта прецедентная ситуация характеризуется огромным количеством текстов, в которых она воспроизводится прямо, косвенно, в инвертированном виде, в том числе в нефикциональных жанрах. Так, в научных и публицистических текстах рассматриваемая ПС анализируется с точки зрения роли женщины, отраженной в Ветхом Завете, социальной антропологии, в модели любовных отношений и т.д. Следует отметить, что основные когнитивные линии и концептосферы рассматриваемой прецедентной ситуации обладают достаточной устойчивостью.

Как в реальной, так и в концептуальной картине мира огромную роль играют изначальные ипостаси *свет* и *тьма*, которые могут быть обозначены как концепты исходного общечеловеческого статуса, мегаконцепты, объединяющие внутри своих концептосфер концептополя, обладающие не меньшей значимостью ('солнце', 'звезда', 'огонь', 'истина', 'Бог', 'Рай'; 'смерть', 'Ад' и т.д.). На смысловую эволюцию концептов 'свет' и 'тьма' текст Библии оказал огромное влияние, которое шло в двух взаимосвязанных направлениях: 1) формирование религиозных понятий; и 2) развитие новых смысловых квантов у общенародных концептов. Социопсихические образования 'свет' и 'тьма' относятся к числу приоритетных концептов

русского и других народов. Их рассмотрению посвящена **глава 5 «Изначальные ипостаси: свет и тьма»**.

В современной научной парадигме представлено достаточное количество работ, в которых рассматриваются различные аспекты этих важнейших для носителей любого языка концептов, особенно концепта 'свет' [Еремина 1978, Петрова 1985, Гехтлер 2000, Федосова 2000, Младенова 2002; Григорьева 2004, Селянская 2004, Гуревич 2005, Леденева 2005, Kudlińska-Stepień 2003, Фесенко 2005, Кудлинська 2006, Шустрова 2006, Азаренко 2007, Палеха 2007, Панасова 2007]. Своеобразие символики света и тьмы, а также смежных концептосфер в поэзии русского символизма подробно рассмотрено А. Ханзен-Леве [Ханзен-Леве 1999, 2003].

Нами рассмотрено формирование концептов 'свет' и 'тьма' с точки зрения анализа их этимологического уровня и влияние Библии на формирование их смысловой структуры.

Значимость концептов 'свет' и 'тьма' проявляется в том, что они выступают в Библии как символы фундаментальных религиозных ипостасей, что наблюдается, например, при отождествлении света с Богом, а тьмы с дьяволом. Свет в Священном Писании служит символом веры, знания, премудрости, чистоты жизни, вечной святости, радости, доброты, истины и т.д. Фактически через Бога (=свет) происходит также сближение света и Слова, света и письма. В пределах мегаконцепта 'свет' рассмотрены концепты 'солнце', 'заря', 'звезда', 'день' и 'ночь', 'луна', 'огонь', а также библейский концепт 'искусственные источники света' ('светильники'). Последние в тексте Библии символизируют божественный промысел, высокую цель, к которой должен стремиться человек.

Тьма как противоположность свету представлена в Библии во взаимодействии с концептополем 'свет'. Библейское объяснение сотворения мира отражало изначальное деление всего сущего на две ипостаси: свет и тьму, жизнь и смерть, день и ночь, добро и зло. Эта антитеза так или иначе проходит через все понятия, допускающие оценку «+» или «-», и служит основой аксиологической классификации. Концептосферы, объединенные центральными концептами 'свет' и 'тьма', чрезвычайно объемны, открыты и пополняются новыми компонентами. Текст Библии позволяет ассоциировать с концептом 'свет' понятия, выражаемые словами *Бог, солнце, луч света, луна, звезды, светильник, день, святой, священный, огонь (священный огонь), разум (светлый ум), лик (светлый и святой), добро, любовь, жизнь, светоч, истина, правда, озарение, знание (знание – свет), чистота, святость, искра (Божия), радость, счастье, слово, бессмертие, вечность, премудрость, светлый – святой, свет (земной шар), солнце евангельское, рай, эдем* и многие другие.

С концептом 'тьма' ассоциируются понятия, выражаемые словами *сатана, антихрист, Вельзевул, ад, богохульство, голгофа, геенна, апокалипсис, грех, искушение, лицемерие, Вавилон, мщение, рабство, голод, засуха, ненависть, злоба (черная), (темная) сила, ложь, незнание (незнание –*

тьма), умственная тьма, нравственная тьма, князь тьмы, неволя, казнь, темница, болезнь, смерть и др.

Реальная жизнь этих может быть выявлена по данным языка. Так, в древнегреческом и латинском языках, изначально отражавших политеистический менталитет, концепт 'свет' не образует обширной концептосферы.

Основной понятийный фонд Библии был унаследован всеми национальными менталитетами, в том числе русским, после принятия христианства и благодаря деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Написанные кириллицей первые литературные источники свидетельствуют о значительном количественном росте числа производных, относящихся к номинанту концепта 'свет'. «Материалы» Срезневского показывают, что уже в словарном фонде древнерусского языка присутствовало 36 существительных, 20 прилагательных, 15 глаголов и 6 наречий с корнем «свет».

При анализе смысловой структуры рассматриваемых концептов нами отмечено, что понятийный уровень концепта 'свет' ориентирован на сугубо научное понимание света. Первоосновой внутренней формы номинанта «свет» явилось некое чувственное представление феномена света: *И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош* (Быт. 1.2-3]. Ср. у А.А.Потебни: «Связующим звеном может здесь быть только чувство, сопровождаемое восприятием огня и непосредственно отраженное в звуке indh- ».

В соответствии с внутренней формой (национальным «духом», своеобразием) каждого из привлекаемых для сопоставления европейских языков в них развивается своя, специфическая сигнификативная структура концепта, как правило, отражающая специфику национального самосознания и историю общества. Так, во французском языке на формирование концепта 'свет' (*lumière*) оказали влияние идеи и веяния эпохи Просвещения, в английском концепте 'свет' (*light*) актуализированы смысловые кванты, связанные с практической интеллектуальной и познавательной деятельностью.

В южнославянских и восточнославянских языках формирование смысловой структуры концептов 'свет' и 'тьма' происходило под влиянием переводов Священного Писания. Вместе с тем именно в древний период истории русского языка наблюдается обогащение семантической структуры номинанта концепта за счет наименования духовных ценностей: 'свет духовный', 'носитель света духовного', 'просвещение, сила просвещающая', 'чистота, святость', 'божественное начало'.

Источники фактического материала и данные ассоциативного эксперимента показывают, что концептосфера 'свет' обладает большим объемом и включает широкий спектр компонентов: *Бог, Божий свет, солнце. Светлый луч (солнца), лик (светлый и святой), разум, ум (светлый), добро, жизнь, любовь, истина, правда, озарение, знание, чистота, святость, искра (Божия), одухотворенность, свет души, радость, счастье, вечность,*

бессмертие, мудрость, светлое будущее, очаг, милосердие, доброта, огонь (священный), красота, предмет обожания, духовная сторона жизни, светлая голова, мысль, душа, тишина, надежда, Священное Писание, улыбка, нежность, гармония, честность, верность, мир, светило небесное, рай, ангел, гений, небо, воскресение, окрыленность, божественность, первозданность, невинность, естественность, надежда на лучшее, Божественный свет, светоч мысли, луч надежды, опора, ласка, зрение, информация, ясность мысли и др.

Со всей полнотой смысл концепта 'свет' как своеобразного Логоса русского менталитета раскрывается в его символическом аспекте. Сложную структуру имеет не только мегаконцепт, но и примыкающие концептосферы 'солнце', 'звезда', 'луч', 'огонь', 'искра', 'светильник'.

Для реализации смыслового потенциала концепта 'тьма' наиболее важным представляется тот факт, что, согласно тексту Библии, изначально, с момента сотворения мира, тьма – противоположность свету. Если о свете в Библии говорится много, то о тьме очень скупо. В Евангелии от Матфея под тьмой внешней (кромешной) понимается преисподняя, ад. Субстантив «ад» восходит к греч. *ádes* 'место, лишённое света', 'бог смерти' (у Гомера), 'подземное царство', 'смерть'. Смысловый потенциал концепта 'тьма' также по-разному реализуется в индоевропейских языках, хотя наблюдается много общего. Так, в латинском языке *tenebrae* (pl.t.) – 'тьма, темнота, мрак, ночной мрак, ночь', также и 'мрачное место, подземное царство, тюрьма', 'неизвестность происхождения, незнатность, безвестность', 'неясность, туманность', 'слепота', греч. *skótos* 'темнота, мрак, тьма', 'неизвестность, неясность, тьма духовная, невежество', в английском *darkness* 'темнота, тьма', 'невежество', 'неведение' и др.; французское *ténébres* 'тьма, мрак', 'невежество, темнота'. В русском языке имя концепта 'тьма' в переносных значениях используется для выражения невежества, неведения, культурной отсталости (*нравственная тьма, умственная тьма*).

Рассмотрим моделирующую роль изначальных концептов 'свет' и 'тьма' в аксиологической контрастивной классификации современного социума.

Тексты русской литературы содержат немало фактов, свидетельствующих об аксиологической функции концептов 'свет' и 'тьма', что подтверждается литературой *non fiction*. Мы обратились к запискам и мемуарам позднесоветского и постсоветского периода, когда происходило осознание известных трагических событий истории. Историческое самосознание личности, являющееся сущностным, жанрообразующим признаком мемуаристики, требовало экспликации в мемуарном дискурсе.

Отметим, что в сознании нарраторов находит широкое отражение прежде всего лексика концептосферы 'тьма' и отчасти – в противовес «тьме» – концептосферы 'свет'. Кроме того, лексические компоненты концептосфер до определенного момента могут не быть достаточно эксплицированы в тексте и лишь на определенном этапе повествования получают вербальное выражение.

Во многих документальных свидетельствах речь идет о трагических событиях, поэтому концептосфера 'тьма' расширяется за счет знаковых наименований событий эпохи. Это лексика, связанная с невозможностью свободно мыслить и говорить, – *безгласие, молчание, отсутствие гласности, предательство* и др., с действиями карательных органов – *аресты, допросы, застенки, тюрьмы* и другие замкнутые пространства, в которых творится зло, – *зоны «черный люк»* (место казни), *смерть* и т.д.

Концептуальная система, как и всякая другая система, предполагает не только взаимосвязь и взаимодействие элементов, не только наличие оппозиций, но и моменты нейтрализации этих оппозиций как важнейшего системообразующего фактора. Компоненты-продукты этой нейтрализации в концептополях 'свет' и 'тьма' служат показателем аксиологического релятивизма, поскольку речь идет о нейтрализации оппозиций в кругу понятий, входящих в социальное знание. Для всей советской эпохи значимыми понятиями были «ложь» и «страх», породившие социальную мимикрию, которая стала нормой и, в свою очередь, породила существование амбивалентных, нейтрализованных понятий в кругу рассматриваемых концептосфер. Это нашло отражение в большом количестве документальных свидетельств эпохи. Мимикрия проявляется в развертывании сценариев и перформансе, что широко представлено в книгах Л.Чуковской, А.Солженицына, В.Войновича, Е.Эткинда и др.

Рассматриваемые концепты имеют глубоко ценностный (аксиологический) характер также в других языках. Несомненно, концепты 'свет' и 'тьма', обозначенные нами как понятия исходного общечеловеческого статуса и имеющие библейские истоки, содержат много общего в когнитивной картине мира носителей разных языков и в то же время отражают национальный менталитет.

В заключении подводятся итоги работы, обобщаются выводы и намечаются перспективы исследования библейской прецедентности. Независимо от частоты обращения к тексту Книги книг, от жанровой и стилевой специфики творчества, художественного уровня продуцированных текстов, языка, на котором эти тексты были созданы, каждый прозаик, поэт, публицист внес свой вклад в прецедентное поле функционирования Библии, отдавая дань этому удивительному свойству Книги Книг – быть вечно живым, обновляющимися, динамическим конструктором.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий...», рекомендуемых ВАК

1. Орлова, Н. М. Неопалимая купина как концепт библейского истока // Вестник Тамбовского университета. Сер. гуманитарные науки. – Тамбов, 2007. – Вып. 11 (55). – С. 133-137
2. Орлова, Н. М. Универсальный характер библейского прецедентного текста: Книга Руфь // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2. – С. 84-91
3. Орлова, Н. М. Тематический словарь «Мир Библии» и прецедентные тексты русской литературы // Русский язык в школе. – 2008. – № 7. – С.74-77.
4. Орлова, Н. М. Прецедентные феномены библейского истока в русской филологической традиции // Вестник Тамбовского университета. Сер. гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Вып. 5 (61). – С. 196-199.
5. Орлова, Н. М. Динамический характер библейской прецедентности // Известия Саратовского университета. Сер. «Социология. Политология». – 2009. – Вып.1. – С.46-53.
6. Орлова, Н. М. Прецедентный потенциал библейской ситуации // Ученые записки КГУ. Гуманитарные науки. – Казань, 2009.– Т. 151. – Кн. 6. – С. 254-263.
7. Орлова, Н. М. Прецедентная ситуация библейского истока в поэзии О.Чухонцева // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 3. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2009. – С. 166-170.
8. Орлова, Н. М. Универсализм и смысловая динамика концептов библейского истока // Славянский альманах 2009. – М.: Индрик, 2010. – С. 369-379.

Монографии

9. Орлова, Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен – Саратов: СГСЭУ, 2008. – 352 с.
10. Орлова, Н. М., Страхов, В. И. Текст. Общение: Труды психологической лаборатории. – Саратов: ИЦ «Наука», 2008. – 368 с.

Статьи и материалы конференций

11. Орлова, Н. М. Черепанов, М. В. О формировании концептов «свет» и «тьма» // Предложение и слово: межвуз. сб. научн. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – С. 551-563 (См. обзоры: *Филологические науки. – 2003. – № 1. – С.117; Slavica Orientalis. – T.LII. – Nr 4. – 2003. – Str. 624).*

12. Орлова, Н. М., Черепанов, М. В. Смысловая структура концептов «свет» и «тьма» и ее языковое выражение // Известия Саратовского университета. – 2003. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 116-125.
13. Орлова, Н. М. Концепты «свет» и «тьма» в языковой картине мира // Вопросы лингвистики и лингводидактики. – Познань: Ун-т Адама Мицкевича, 2003. – С. 79-86.
14. Орлова, Н. М. Образы света и тьмы в словаре Срезневского: анализ поэтического текста на уроке // Материалы XIII Страховских чтений. – Саратов: СГУ, 2004. – С. 261-268.
15. Орлова, Н. М. «Свет» и «тьма» как фактор концептуализации социальной действительности // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Межд. конгресс исследователей русского языка. 18-21 марта 2004 г. – М.: МГУ, 2004. – С. 134-135.
16. Орлова, Н. М. Языковое выражение смысловой структуры концепта «заблуждение» // Предложение и Слово. – Саратов, 2006. – С. 380-385. (см. обзор: *Филологические науки*. – 2006 – №2. – С.123) .
17. Орлова, Н. М. Textoобразующая роль прецедентных феноменов Библейского истока // III Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы. – Казань, 2006. – С. 105-107.
18. Орлова, Н. М. Textoобразующая функция библейского концепта // Материалы XV Страховских чтений. – Саратов, 2006. – С. 332-348.
19. Орлова, Н. М. Прецедентность библейского текста (на материале Книги пророка Ионы) // Педагогические технологии в вузе и школе. – Вып. 4. – Саратов: Научная книга, 2006 – С. 412-426.
20. Орлова, Н. М., Новгородов, Е. Н. Перевод Библии на монгольские и якутский языки: материалы к курсу «Основы православной культуры» // Педагогические технологии в вузе и школе. – Вып. 4. – Саратов: Научная книга, 2006 – С. 408-412.
21. Орлова, Н. М. «Где горит без пламени Содом»: библейский текст как прецедентный феномен // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Межд. конгресс исследователей русского языка. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 402-403 (См. обзор: *Филологические науки*. – 2007. – № 5. – С. 121).
22. Орлова, Н. М. Книга Пророка Ионы как прецедентный текст // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 775-779.
23. Орлова, Н. М. Textoобразующая функция библейского концепта: статья вторая // Материалы XVI Страховских чтений. – Саратов, 2007. – С. 325-339.
24. Орлова, Н. М. Textoобразование мемуарного дискурса: textoобразующие концепты «свет» и «тьма» // Вопросы социальной психологии. – Вып. № 3 (8). – Саратов: ИЦ «Наука», 2007. – С. 301-310.
25. Орлова, Н. М. Ситуация «Авраам и Исаак» и ее ключевой концепт в русской филологической традиции // Русское слово, высказывание, текст:

рациональное, эмоциональное, экспрессивное: межвуз. сб. научн. тр. – М.: МГОУ, 2007. – С. 208-213.

26. Орлова, Н. М. Концепты «свет» и «тьма» как фактор организации подцензурного мемуарного дискурса // *Цензура как социокультурный феномен.* – Саратов: «Новый ветер», 2007. – С. 230-238.

27. Орлова, Н. М. Прецедентный текст в обучении языку // *Исследование художественного образа в парадигме восприятия носителями русской и монгольской культуры: доклады Междунар. научн. конф.* – Улан-Батор, 2007. – С. 50-56.

28. Орлова, Н. М., Орлов, М. Ю. Библейский прецедентный текст как лингвистическая универсалия // *Актуальные проблемы теории и практики обучения иностранных учащихся в российских вузах: материалы Межд. научно-практ. конф. (Тула, 10-12 октября 2007 г.)* – Тула: ТГПУ им. Толстого, 2007. – С. 96-100.

29. Орлова, Н. М. Смысловая структура концепта «Рай/Эдем» и «Земной рай» Н.Г.Чернышевского // *Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы.* – Вып. 16.– Саратов: ИЦ «Наука», 2007. – С. 151-155.

30. Орлова, Н. М. Филологический комментарий библейских текстов // *Язык образования и образование языка: материалы V Всероссийской научной конференции «Слово русской культуры в мире», посвященной 950-летию Остромирова Евангелия.* – НовГУ им Ярослава Мудрого. – Вып.8. – Великий Новгород, 2007. – С. 76-78.

31. Орлова, Н. М. Тематические группы библейской лексики // *Вопросы социальной психологии.* – Вып. 4(9): сб. науч. тр. – Саратов: ИЦ «Наука», 2008. – С. 329-337.

32. Орлова, Н. М. «Лучшая в мире собирательница колосьев»: Библия и художественный текст // *Предложение и слово: межвуз сб. научн. тр.* – Саратов: ИЦ «Наука», 2008. – С. 231-236 (*См. обзор: Актуальные вопросы русской словесности.* – М., 2009. – С.471).

33. Орлова, Н. М. «Неопалимой купины пятериковые ожоги»: прецедентная значимость библейского концепта // *Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы VIII Межд. научн. конф.* – М; Ульяновск: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск. гос. ун-т, 2008. – С. 150-151.

34. Орлова, Н. М., Орлов, М. Ю. Роль прецедентного текста в реализации текстообразующей иронии // *Материалы XVII Страховских чтений.* – Саратов: ИЦ «Наука», 2008. – С. 200-206.

35. Орлова, Н. М. Прецедентная ситуация ветхозаветного истока в пространстве текста // *Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов.* – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Державина, 2008. – С. 126-128.

36. Орлова, Н. М. Роль библейского текста в освоении монголами русской художественной картины мира // *Россия и Монголия: взаимосвязь языков и культуры.* – Улан-Батор, 2008. – С. 84-92.

37. Орлова, Н. М. Концепты библейского истока в славянской и мировой культуре // Славянские языки и культуры в современном мире: междунар. научн. симпозиум: Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 281.

38. Орлова, Н. М. Принципы составления тематического словаря библейской лексики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. – Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2009. – С. 240-244.

39. Орлова, Н. М. Библейский сюжет как генератор прецедентности // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Межд. конгресс исследователей русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 133-134.

40. Орлова, Н.М. Структурно-семантические параметры номинантов библейских концептов // Вопросы социальной психологии. – Вып. 6 (11). – Саратов: ИЦ Наука, 2010. – С.123-135.

Учебное пособие

41. Орлова, Н. М., Черепанов, М. В. Книга книг: филологический комментарий библейских текстов. – Саратов: Научная книга, 2006. – 380 с.